
ЁЖИК
1
СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР
АЛЕКСАНДР КОСТЕНКО
18+

Александр Костенко

Ёжик. Старый новый мир. Книга 1

Серия «Ёжик», книга 1

https://litres.ru/74806814
SelfPub; 2026

Аннотация

В прошлом – военный, утром – любящий муж и заботливый отец, днём – предприниматель. А вечером – мертвец.

Час назад я закрыл успешную сделку, пять минут назад выстрел оборвал все мои планы, а теперь я весь в жёлтой слизи кое-как выбрался из капсулы. В помещении этих капсул сотни, вокруг серые бетонные стены, в ангаре этого бункера машины с пулемётами на крышах, а за массивными створками мир иной, другой. И враждебный, иначе бы позади меня не лежали трупы.

Раньше мой день был расписан по минутам, а теперь я должен выжить и по крупицам выяснить, где я, что вообще происходит в этом новом мире, и где найти энергию для бункера, чтобы защититься от зверей размерами с дом. И для этого у меня есть всё необходимое: мой опыт, знания, навыки. И мой позывной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	55
Глава 4	77
Глава 5. Часть 1	101
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Александр Костенко
Ёжик. Старый новый мир. Книга 1

Глава 1

– Мне тоже на войне ногу отстегнуло, но я же не бухаю, – я гневно выпалил в телефон.

Сегодняшний день просто не может стать хуже. Жена ночью подскочила с кровати и помчалась в туалет. Её обильно прополоскало, а к утру она вдруг вспомнила про задержку в три недели. У нас трое детей, мы и без теста на беременность всё прекрасно поняли и решили вечером всё обсудить, а тут пришла дочурка и самым честным голоском заявила, что забыла сказать о родительском дне в школе. У старшего сына сегодня после обеда первое занятие в техническом клубе, младшего вечером из садика забирать. А ещё у меня вечером встреча с клиентом, ради выхода на него я месяцами себе жилы рвал. Его компания в год строит сотни зданий и одним заказом спокойно сожрёт половину моей месячной продукции. И тогда мои планы о расширении производства превратятся в реальность.

Утром с женой решили, что дети сегодня на ней, я только

старшего сына в клуб отвезу. Тем более что сегодня отгрузка четырёх полных фур, линия производства неделю на склад работала. И, подъезжая к огороженному металлическим забором цеху, я не сдержал улыбку при виде фур на стоянке. Но тут же улыбку стёр. Рабочий день начался полчаса назад, фуры не у погрузочного «окна», работники все задумчивые и взгляд отводят, а под навесом стоит погрузчик без мясной прокладки между сиденьем и рулём.

– Ты понимаешь, из-за этого утырка я в ситуацию попал? Про бабло вообще молчу, – процедил я в трубку. Хотелось не ругаться матом, а разговаривать им, но я давно не на «передке», тут приходится держать себя в «мирном состоянии».

– Ёжик, ну пойми, его ж жена бросила, – Смычка ответил взволнованно.

– И чё? Дикого, вон, тоже самка кинула, так ещё и инвалидные прихватила. И ничего, он даже не подумал бухать. Через суд всё вернул и дальше живёт, и хорошо живёт, новую девку нашёл. Никто из наших не бухает, ты сам это знаешь.

– Слушай, Ёжик, но ради меня…

– Ради тебя я этого пса и взял к себе. У меня на столе лежали бумаги работяги: пять лет стажа на погрузчике, золото, а не мужик. И тут твой звонок, выручи нашего «ваени-брата», он тоже посадки собой удобрял. Сразу в этот же день его оформил. И что теперь? У меня встало всё! Ты понимаешь, если сегодня фуры до вечера не уедут, то я могу закрываться. Меня по неустойкам до трусов разденут и протез заберут,

а всё из-за этого пса.

– Может, передумаешь, а? – удручённо произнёс голос в телефоне. – Сам же знаешь, нам тяжело работу сейчас найти.

– Знаю, брат. Знаю. Вот только у Дикого минус рука с ногой, у меня с Архатом и Белкой по ноге нет. И ему как-то плевать на всё это. Взял, как свинья выбухался, не дозвониться даже. И не в первый раз подставляет, сам знаешь, – я прервался и тяжело вздохнул. – Дозванивайся до него сам. Его на проходной трудовуха будет ждать, подпишет заяву, и пусть валит нахер. И пусть не ноет, водку ему в глотку никто не заливал.

Я попрощался и положил трубку. Разговор со Смычкой шёл короткие десять минут, а ведь десять лет назад в одном блиндаже сутками молчали. А о чём говорить, когда твой опорник артой и дронами разбирают? Разве что матом врага обложить, потому что косые идиоты: сто прилётов, а всё мимо.

Время близилось к десяти, а фуры с погрузчиком с места не сдвинулись. Я стоял недалеко от входа в цех и ловил себя на мысли, что жутко хочется курить. Бросил, когда жена старшего сына носила под сердцем, а сейчас от всей этой нервотрёпки под ложечкой засосало. Хочется какого-то спокойствия и определённости. Иной раз по «передку» скучаю, там хоть понятно, что и как делать. Не это ли старость?

– Это, Ёжик, – ко мне приковылял мужик под сорок лет, прихрамывая на левую ногу. – Ну чего ты сиськи мнёшь?

Справимся мы с этой хернёй, ну, – он махнул в сторону погрузчика.

– Конечно, справитесь, но отъезжать в тюрячку я не хочу, – я начал загибать пальцы. – Документы, права, проверка здоровья, договор, техника безопасности. Чуть что случится, Белка, и по этим всем пунктам меня вздёрнут кверху ногами.

– Да ничего не случится, ну.

– Да. Потому что я уже вызвал замену. Помнишь, ты катался, ребятам помогал периметр настраивать, – я пальцем показал на камеру над входной дверью, намекая на видеонаблюдение. – Вот у них есть работяга со всеми документами, скоро приедет.

– Ну и ладно тогда, – Белка понимающе закивал и покосился на погрузчик. – Шестой раз за месяц, да? Свинья. Будешь искать замену?

– Тот мужик, который к нам приходил, пять лет стажа. Он работу ещё не нашёл, готов завтра же выйти на смену.

– Отлично тогда, – Белка ухмыльнулся и похлопал себя по левому бедру, пластиковая чаша протеза отозвалась глухим стуком. – Слушай, я тут сегодня на свиданку собрался. Хочу быть в лучшем виде. Ногу не одолжишь?

– Да забирай насовсем, не жалко, – я усмехнулся и хотел ещё что-то сказать, но из проходной вышел охранник и крикнул, что сменщик приехал. Уже через десять минут погрузчик резво вырулил из-под навеса, а первая фура аккуратно развернулась прицепом к погрузочному «окну».

Ещё утром, узнав о случившемся, я сперва позвонил работяге и нашёл замену на сегодня. И только потом принялся дозваниваться до синего тела, подставившего меня и весь коллектив. Теперь уже плевать на него, сейчас главное – отправить груз до вечера и не облажаться на встрече с будущим закупщиком.

Днём пришлось на час остановить производственную линию. Один из станков заглючило, я уже сам подумывал забухать от навалившихся неприятностей, но всё обошлось. Дальше всё шло обыденно, но из-за всей этой нервотрёпки я едва не забыл про старшего сына и его клуб, благо опоздал всего на несколько минут. А вечером в офисе будущих заказчиков всё прошло замечательно. Пообщался не только с замом директора, но и с самим гендиром. Повезло, что он решил лично заглянуть на встречу, потому что месяц назад на выставке заметил стенд моей фирмы. Они согласились сотрудничать, оставалось договориться об объёмах и сроках.

Домой вернулся поздно, по темноте, осенью вечереет рано. Я остановил машину возле подъезда, заглушил двигатель. И опёрся на руль, отрешённо глядя на облетевший куст сирени, покачивавшийся от ветра. С каждым днём наваливается всё больше дел, и если бы не протез ниже правого колена, то про штурмы лесопосадок и городов я бы и вовсе не вспоминал. У меня хорошая жена, прекрасные дети и успешный бизнес: у меня в подчинении сотня с небольшим работников, и многим братишкам с работой помог – зарплатой их

не обижаю, а они меня не обижают косяками на работе.

Но чем больше наваливается дел и проблем, тем чаще я вспоминаю давно ушедшие дни: грохот прилётов, крики приказов, жужжание дронов, грохочущие плевки автоматов и рёв брони. Начал младшим сержантом, штурмуя опорники и деревни, потом получил в командование отделение, затем взвод, а закончил всё старшим лейтенантом с ротой в подчинении. И закончил, штурмуя очередную деревню, потому что людей не хватило, много выбило санитарными, а надо было взять это проклятое «бабкосело». Вот и разменял его на свою правую ногу. И каждый раз, стоит навалиться проблемам, и я невольно начинаю сожалеть, что первым пошёл к тому полуразрушенному дому. Кто ж знал, что там успели скинуть с дрона замаскированную под кирпич мину, а я случайно запнусь о камень и поставлю ногу вовсе не на землю. Но, в то же время, я просто не мог пустить вперёд себя пацанят своих. Просто не мог.

И каждый раз, как навалятся дела, закоулки сознания рождают крамольную мысль, что на войне было лучше. И каждый раз я эту мысль выжигаю огнём. Может быть, войной и я наслаждался, но война – это всегда нехорошо.

Пиликнула сигнализация машины, моргнули фары. Я пошёл домой. Металлическая дверь подъезда распахнулась в метре передо мной. Уши заложило от громкой несвязанной ругани об увольнении, в нос ударил стойкий запах перегара. Перед лицом покачивалось эхо войны, его дуло смотрело

строго мне в лоб, предохранитель опущен. Позади пистолета – опухшее от водки и перекошенное от злобы лицо.

– Ну и сучий же ты выродок, – только и успел сказать я, прежде чем пистолет гаркнул огнём.

Тьма забрала меня быстро. Моментально. Тягучая, густая, плотная. И пустая. И была она такой до низкого прерывистого писка. Он перерос в гул и прекратился. Что-то зажужжало, затряслось, вязкая тьма колыхнулась водой и зажурчала сливаемая с ванной. Холод появился где-то сверху и пошёл вокруг меня. Новое жужжание, лёгкая тряска, щелчки лопающейся резины.

Электрический разряд вспышкой разорвал тьму. Я попытался вздохнуть, но мешали торчавшие изо рта и носа трубки. Сознание начало темнеть, ослабшими руками я едва ухватился за них, с трудом вытягивая. Они больно шкрябали гранями по моему нутру. С чпокающим звуком первые две трубки выскочили из ноздрей, следом вышла третья – изо рта, и все три шнурками втянулись в светло-бежевую стенку. Меня вырвало после первого же вдоха. Судорожно выблёвывая желтоватую жидкость, я перевернулся набок и чуть не упал, наполовину свесившись с какой-то металлической платформы. С лёгким гулом из неё выехал небольшой ящик. Вид его содержимого кувалдой пробил моё сознание, заставив оторвать взгляд от кафельного пола.

Редкие светильники освещали огромный бетонный зал с сотней рядов горизонтальных светло-бежевых капсул чуть

выше человеческого роста, но открытых только две. В соседней капсуле на продавленной оранжевой подкладке лежала скрюченная мумия. Высохшая кожа обтянула кости, пустые глазницы в немой мольбе смотрели в потолок, а руки беспомощно сжимали трубки. Две в носу и одна во рту.

Меня пробил озноб, я ощупал себя и убедился, что изо рта ничего не торчит. И дрожащими руками потянулся к голове. Лоб и затылок целы, но звук выстрела же был! От воспоминаний мне сдавило дыхание, взгляд заметался, ноги подогнулись, тело на инстинктах собралось спрятать себя в тёмный угол, спастись от опасности. Я быстро задышал, специально, насыщая кровь кислородом. А седьмой вдох сделал медленным и глубоким, и так же медленно выдохнул. Потом повторил, ещё раз, и ещё.

К седьмому медленному выдоху «слонячка» отступила, мандраж прекратился. И хорошо, что к седьмому. Когда едешь внутри «брони» и слышишь разрывы снарядов и щёлканье осколков по броне, то невольно начинаешь считать это нормальным. И когда гонишь на электробайке, уворачиваясь от дронов – тоже считаешь это нормальным. И теряешься, если броню не кроет арта, а на тебя не охотятся дроны. Появляется мандраж, ведь всё идёт не по плану. И простое дыхательное упреждение «семь-на-семь» успокаивает. А в неизвестном месте в компании с истлевшим жмуриком мне следует оставаться спокойным, по крайней мере, пока не отвечу на три вопроса: где я, что с моей семьёй, и какого хрена моя

правая нога со мной?

В выехавшем из платформы ящике лежали трусы с носками, камуфляжный костюм жёлто-зелёной расцветки и шикарные светло-оливковые ботинки. На фронте за такие даже я бы подрался. А ещё в ящике заботливо уложена стопка полотенец, а я весь в какой-то жиловатой слизи, её солоновато-приторный привкус растительного масла застрял в глотке и забил нос. Сколько ни старался высморкаться, а всё без толку.

Я кое-как смог распрямиться на дрожащих ногах. Во всём теле чувствовалась слабость, даже дистрофичность. Руки слишком тонкие, мышцы едва проступают под кожей. А ещё пяти полотенец не хватило, чтобы вытереть водянистую слизь. Повезло, что у открытой рядом капсулы тоже выдвинут ящичек. Вместо камуфляжного костюма в нём лежали юбка, туфельки и рубашка с пиджаком.

Камуфляжный костюм сидел на мне как влитой, только плечах чуть болтался. А ботинки так вообще будто на заказ сшиты. А на меня ли? Пока одевался – прокручивал в голове вопросы о появившейся правой ноге и непонятных капсулах. Даже «мысля» родилась, что всё это трэшевый сон умирающего разума, а я сейчас валяюсь около подъезда с простреленной головой, или сразу не помер и в больничке овощем «откисаю». Вот только вряд ли во сне будут саднить глотка и нос от вытащенных трубок.

Гладкая поверхность капсул на постукивание отвечала

дребезжанием. Они казались мне пустыми, без этой самой слизи, поэтому я отправился в конце зала к двери. Привычной ручки нет, зато есть две вертикальных красных рукояти, которые не поддавались. Я едва смог расшатать их, вспотев и вымотавшись до тремора.

Рукояти с щелчком встали горизонтально, и дверь с протяжным писком открылась. Пот на моей спине тут же высох, кулаки непроизвольно сжались, взгляд заострился.

На противоположной от двери стене на уровне глаз – широкая клякса с подтёками до самого пола. И тёмный размазанный след, виляющий бороздкой по широкому коридору. Я ни с чем не спутаю след запёкшейся крови. Её вид что-то отключил во мне: я будто вновь очутился на войне, мысли исчезли, рефлексы обострились.

Я осторожно вышел в коридор. Тусклые оранжевые светильники едва рассеивали мрак. На полу рядом с дверью бетонное крошево, а серая стена выдолблена до твёрдой и прочной начинки: на ощупь как пластик, а на удары ногтя звенит металлом. Вся стена толщиной в метр, половину из которой занимала прочная начинка, и дверь толщиной в локоть.

Есть три вопроса: я не пойми где, зачем и куда. Вопрос «зачем» – риторический. На вопрос «где» ответ получится дерьмовым. Но вот ответ на вопрос «куда» расположен в конце кровавого следа, у двух металлических дверей. Сбоку на стене от них две кнопки и давно потухший экранчик. Кноп-

ки щёлкали и не реагировали, а стучать в двери глупо, ведь это может услышать любитель пачкать стены чужими мозгами.

Сам коридор идёт квадратом. В центре внешних стен по двери, единственная открытая вела в недавний зал с капсулами, а в углах – лифты и открытые пластиковые двери с тусклым оранжевым полумраком и пролётами лестниц вверх и вниз. Если посмотреть в узенькую щель между лестницами, то внизу – кромешный мрак. Наверху света побольше.

– *Обычная ступенька высотой, примерно, двадцать сантиметров*, – вскоре с придыханием произнёс я, утерев со лба пот. Шедшая с комплектом одежды футболка намокла и прилипла к спине. В каждом пролёте по тридцать ступенек, их пройдено двадцать четыре. Чуть больше ста метров подъёма, а я едва не подыхал от слабости. Хрен его знает, что там в этой капсуле со мной произошло и я всё ли ещё я, но эта слабость непривычна. А ещё в горле першило, хотелось прополоскать его и избавиться от солёно-приторного привкуса.

С трудом справившись с подъёмом, я некоторое время переводил дух перед открытой двойной дверью. За ней – коридор, разветвляющийся на несколько проходов. На полу – следы волнистого рисунка подошв разных размеров, ведущие к неработающему лифту, под потолком яркие светильники, бетонные стены выкрашены в персиковый и вереница запертых дверей по обе стороны. И возле каждой из дверей стену долбили, явно пытаясь пробраться внутрь закрытых комнат.

Я вернулся к лестнице, привычно прихрамывая на правую ногу, чтобы через восемь пролётов подняться на очередную лестничную площадку. Она, поднимавшиеся дальше ступеньки и коридор за площадкой – все покрыты отпечатками ботинок, измазанных чем-то похожим на машинное масло. А ещё в коридоре гулким эхом отдавались голоса. Лифт не работает, ближайшие двери закрыты, стены там разломаны. Но дальше по коридору одна из дверей спряталась внутрь уцелевшей стены с четырьмя небольшими отверстиями от шурупов, расположенных прямоугольником: такие есть вообще на стене у каждой двери. Внутри просторное помещение полностью пустое, лишь голые бетонные стены и металлическое ведро с крышкой. Даже сквозь забитый нос прорывались запахи нужника.

Я пошёл дальше по коридору, к эху голосов, к насмешливому и едкому женскому гоготу. У одного из поворотов главного коридора замер. Напротив открытой двери на стене плясали тени, а к женскому гоготу примешались сдавленные вскрики. За открытой дверью помещение гораздо меньше зала с капсулами, но в него уместились бы койки для десятков солдат. У дальней левой стены десять лежаков из засаленных перин и широкий стол с продолговатыми флягами-термосами, небольшими контейнерами и остатками прозрачной пластиковой упаковки. Напротив входа – рабочая панель с кнопками и перемигивающиеся строчками синевато-серые экраны. Женщины гоготали в правой части комна-

ты. Их было четыре, с засаленными короткими стрижками и в прошитой металлическими заплатками сероватой джинсе. У одной из женщин, жирной, поверх джинсовой куртки плотный оранжевый жилет из кожи. Все смеялись, запинывая девушку в серых мешковатых обносках. Она свернулась калачиком и всхлипывала, а чуть поодаль без движений лежала покрытая синяками женщина.

Я пошёл обратно к лестнице. Не знаю, почему тех двух избивают, но мне вылезать глупо. У жирной на поясе ничего нет, но у остальных троих там висит кобура. И я не хочу, чтобы её содержимое направили на меня.

Через четыре пролёта лестница закончилась открытой дверью. Звуки остались на этаже ниже, но я всё равно пошёл по мазутным отпечаткам обуви, заглядывая в редкие открытые и вычищенные комнаты.

Следы петляли по коридорам к настолько широкому ангару, что звук моих шагов в нём отдавался эхом. Напротив закрытых ангарных створок стояли три выкидыша партизанской войны. Два седана с вынесенными из-под кузовов широкими колёсами. Между ними – тягач с прицепом и упоротым граффити на его бортах: четырёхглазый клыкастый череп давило оранжевое колесо. У седанов нет задних сидений, приборная панель из сплошного экрана, а на задней части крыш по закованному в станок крупному пулемёту. Конец ленты с патронами обнажён, и они какие угодно, но не холостые. На прицепе тягача вообще угловатая танковая баш-

ня и крупный пулемёт на крыше кузова. Его углы прямые, у первого седана углы кузова сглажены, а второй напоминает треугольник с вытянутым капотом раздувшегося спортивного болида. Как раз под этим седаном растеклась чёрная лужа масла. И от него же следы подошв тянулись в коридор.

Двери седанов не заперты, салоны пропахли немытыми телами, а в бардачках ничего интересного. Один багажник оказался закрыт, зато во втором под слоями тряпья и одежды из сероватой джинсы нашёлся набор гаечных ключей. Самый большой и с широкой головкой приятно утяжелял руку. Я заткнул его себе за пояс.

В просторном салоне тягача позади водительского сиденья могла бы разместиться двухспальная кровать, но стоял столик с тремя креслами и дверь к прицепу. В настенных шкафчиках напротив кресел нет ничего полезного. Я только заприметил несколько толстых обручей размером с человеческую шею, экранчиком на одной стороне и утолщением на другой. Странная херня, но ей далеко до насмешки над здравым смыслом, свисающей с зеркала заднего вида.

На закованной в тонкий пластик фотографии – изнеможённый голый мужик лет пятидесяти, весь покрытый синяками, а на его шее блестел тот самый обруч с экранчиком. Мужик стоял, чуть расставив ноги, с десятком привязанных к бёдрам дилдаков и отрезанным под корень членом. А рядом с фотографией как раз висел засушенный мужской член.

Если у меня и оставались скудные надежды договориться

с теми бабами, то теперь они издохли. Если человек использует кусок другого человека как украшение, то разговаривать с таким – всё равно что горло бешеной собаке подставлять.

Впрочем, на этом дерьмо не окончилось: я увидел своё отражение. Я увидел свои русые волосы, карие глаза, мощные надбровные дуги и широкую челюсть, но нет седины, нет шрама на левом виске от шального осколка. В зеркале отражался я времён первых курсов института. Что это за, мать его, ангар, что за коридоры, и кто вообще мог повесить себе в машину такое? Да и, вообще, что…

Мысль прервали голоса из конца ангара. Я уже хотел нырнуть под кузов, но у седана течёт внутрянка, нагнётся хоть кто посмотреть – и хана. Забираться на прицеп сейчас тоже не вариант, тягач стоит далеко от входа в ангар и меня заметят. Я залез в нишу между кузовом тягача и прицепом.

Три бабы шли к машинам, что-то балакая на невнятной тарабарщине. Жируха с оранжевым жилетом, коренастая с широкими плечами и долговязая с длинными руками. Больше всех надрывала глотку жируха, что-то рассказывая и показывая на свои ботинки, а две другие поддакивали ей смешками. Вскоре они подошли к машинам, и я как можно быстрее забрался на крышу, напрягая ослабшие руки. И аккуратно подполз к краю.

Две бабы подошли к протёкшей машине, обсуждая разлившуюся лужу и показывая на неё руками. Жируха же забралась в кузов тягача. И рылась там, пока не выглянула с

тем самым обручем. Коренастая из двоицы с ухмылкой показала, как душит себя, потом рукой будто зачерпнула что-то около задницы и начала это есть. Жируха и долговязая одобрительно закивали. Долговязая вдруг хлопнула в ладоши, чего-то быстро забалакала и показала на центр ангара, прокрутив пальцем круг. Жируха отмахнулась.

Долговязая продолжила балакать, и жируха сдалась. Она приложила большой палец к экранчику обруча и нажала кнопку в нижней части заднего утолщения. Экран моргнул оранжевым, обруч с тихим пиликаньем разошёлся на утолщении, чтобы затем защёлкнуться на шее долговязой. Её дёрнуло, глаза зажмурились, лицо на секунду скривилось от боли. Экранчик тускло засветился зелёным. Жируха показала на центр ангара и что-то гаркнула, долговязую тут же дёрнуло, и та принялась наворачивать круги.

– Арт, – выкрикнула жируха. Экранчик ошейника моргнул синим, и долговязая резко остановилась, ловя воздух широко раскрытым ртом.

– Гурна, – от нового окрика экранчик опять моргнул синим, баба побежала.

С минуту долговязая бегала и останавливалась, пока с неё не сняли обруч. Ту тряхнуло, как от электрического разряда, долговязая ухватилась обеими руками за заднюю часть шеи и что-то запричитала. Потом её опять дёрнуло, она закатила глаза, томно прикусила губу и тяжело задышала. Её ноги задрожали, она чуть согнулась и помчалась к выходу из ангара.

Жируха ей что-то крикнула вслед и показала на коренастую, но долговязая лишь отмахнулась.

Жируха сама отправилась к выходу, помахав обручем перед коренастой. Та в ответ показала на разлившуюся лужу и кивнула на скрывшуюся в проходе долговязую. Коренастая залезла под днище машины. Я воспользовался тем, что в сторону тягача никто не смотрел и спустился в нишу, решив не упускать отличный шанс: если я правильно понял недавние жесты – времени у меня немного.

Вскоре жируха вышла из ангара, а коренастая вылезла из-под машины и отправилась к открытому багажнику, что-то раздосадованно бормоча. Она громыхала инструментом в багажнике, переворачивала тряпки и ругалась, не замечая моего приближения. Я откровенно не понимаю произошедшего за последнее время, но одно знаю наверняка – если миндальничать, то вместо пахучей ёлочки на лобовом стекле будет болтаться уже мой член.

– *Тук-тук!* – утробно пробасил я, потянув за плечо коренастую. Та с испуга аж подпрыгнула и развернулась. Головка ключа с хрустом влетела ей в висок. Баба что-то пролепетала, закатила глаза и осела на пол, чтобы получить ещё один удар, и ещё, пока в её виске не образовалась приличная вмятина.

Я подцепил тряпку с багажника и утёр лицо от брызг крови, а потом стёр капли с пола и машины. Затем обмотал тряпку вокруг раздробленной головы, чтобы кровь не сочилась, и с трудом запихал бабу под кузов с дальней от выхода сторо-

ны, оставив торчать ноги по пояс. Всё оформлено как надо, но меня могла «спалить» пропажа серовато-красного содержимого кобуры. Но если туда запихать серую тряпку с кровавыми отметинами, то выйдет сносно. Гаечный ключ – это хорошо, но пистолет лучше. Угловатый, но легче обычного.

С кнопкой на рукояти у спускового крючка я разобрался сразу, вытащив магазин: он полон, но сами патроны хоть и обычного размера, но пуля больше, а гильза меньше. С двумя переключателями на раме сильно сложнее: там предохранитель и замыкатель, чтобы затвор оставался откинутым, если магазин опустеет. И кто из них кто?

От раздавшегося голоса со стороны выхода я дёрнулся, крепко сжав рукоять пистолета. Из-под днища в дверях ангара виднелись ноги долговязой. Она опять что-то сказала, у меня похолодело внутри. Стараясь срочно придумать хоть что-то, я не нашёл ничего лучше, чем сильно стукнуть ключом по днищу машины и парочку раз легонько постучать. Со стороны прохода донеслось раздражённое ворчание.

Долговязая шла к машинам медленно и степенно. Её щёки покраснели, глаза блестели, а грудь вздымалась от глубоких вдохов. А ещё долговязая несколько раз останавливалась и поправляла складку штанов в паху, постоянно прикусывая губу. Я в это время аккуратно обходил машину. Баба подошла к торчащим ногам, легонько пнула их и позвала подругу. Коренастая не отозвалась, долговязая пнула ноги ещё раз. А уже через секунду ей прилетело ключом в висок. Дополни-

тельные удары поставили точку.

Я покачал головой, глядя на конвульсирующее тело. Я хрен знает где, а уже два минуса оформил. И плевать, что это женщины, высушенный брелок красноречиво всё объяснил – но в мирное время после войны я или кто из моих сослуживцев таких заскоков не проявлял. Ни один из нас даже «административку» не получил, а тут за короткое время два трупа. Полное спокойствие и восприятие случившегося как данность – вот что меня беспокоит. Как на войне, когда либо ты минусуешь сам, либо минусуют тебя. Но война-то давно позади.

– *Ситуация*, – только и смог сказать я, потому что происходящее мне не нравится. Но обдумаю всё случившееся, наверное, несколько позже.

Одну кобуру с пистолетом я прикрепил к ремню за спиной, второй пистолет заткнул за пояс. И как можно быстрее побежал к открытым дверям в коридор, чтобы закрыть их, и вернулся к трупам. Жируха по-любому говорила этой двоице возвращаться в комнату с мониторами. Время истекает.

Я кое-как вытащил труп коренастой из-под машины, положил на него труп долговязой, просунул руку с пистолетом между ними. И нажал спусковой крючок. Он замер на половине пути. Пришлось наугад тыкнуть один из переключателей на раме и сунуть пистолет обратно. Он гаркнул куда тише обычного пистолета, но пуля пробила тело коренастой насквозь, отбив кусок бетонного пола размером с фалангу

пальца. О настолько мощных патронах я никогда не слышал.

Я побежал в коридор, мимо дорожки из тёмных масляных следов, через долгие проходы рядом с редкими открытыми и пустыми комнатами, спустился по лестнице в знакомый коридор с пустой комнатой и вонючим ведром. И знакомым поворотом. Дальше я шёл медленно, беззвучно, вжимая ладонь в рукоять пистолета, направленного в сторону двери. Сердце билось спокойно, не впервой коридоры штурмовать.

Чем ближе дверь, тем больше виднелась внутрянка комнаты: дальняя стена, спальные места, стол с флягами и коробочками, стена с мониторами. Слышалось какое-то ёрзанье, тяжёлые вздохи, бубнёж. Как минимум две избиваемых должны были остаться на местах, но где жируха и четвёртая? Одна точно с правой стороны комнаты, а другая? Она же за спину мне не зайдёт?

Я чуть прикусил внутреннюю часть щеки, болью отгоняя вопросы. Размышления не помогут, сейчас время действий.

Вход в комнату оказался по правое плечо, я чуть перенёс вес тела на левую ногу, готовясь пружиной вскочить внутрь. И ждал.

Два глухих и гневных хлопка раздались из правой части комнаты. За ними последовало возмущённое гарканье жирухи. И голос четвёртой бабы. Одна избитая лежала у панели с экранами, вторая сидела рядом и сжимала в кулаках её ладонь. Рядом с ними на пластиковом ящике валялся обруч с экранчиком. Жируха в оранжевой жилетке сидела около сте-

ны на невзрачной серой скамейке, положив ладони на широкие бёдра, четвёртая баба стояла между жирухой и избитыми с пистолетом в руках.

Моя левая нога чуть подогнулась в колене и распрямилась, на носке правой ноги разворачиваясь и выныривая половиной корпуса в комнату. Я направил пистолет на четвёртую бабу.

– *Не двигаться, суки, стрелять бу…*

Я не успел договорить. Четвёртая начала разворачиваться, присаживаясь на колено и выставляя пистолет. Ухнули оранжевые вспышки. Бабу дёрнуло, четвёртая пуля попала ей в лоб. И я тут же нутром ощутил смертельную угрозу. Жируха прислонила правый кулак к груди. Вокруг него появилось неясное оранжевое свечение. Она оттянула кулак за плечо для сильного удара, свечение из неясного стало осязаемым, стена позади неё осветилась оранжевыми всполохами.

Я едва успел согнуть правую ногу и выкатиться в коридор. Где секунду назад была моя голова – мелькнул гудящий синевато-оранжевый сгусток. Он со звуком удара кувалды врезался в стену, обдав шрапнелью осколков стол с флягами.

Приземлившись на пол, я резко вскочил и бросился в коридор. Мимо меня прогудел ещё один сгусток, он выбил в бетонной стене коридора ямку с кулак. Я шагнул к двери с выставленным пистолетом, собираясь закончить этот бред, аккуратно выглядывая в щель между дверными косяками – но жируха ожидала подобного. Я поздно начал уворачивать-

ся. Сгусток ударился в косяк двери, отломил кусок и продолжил полёт, потеряв часть энергии. Он пронёсся в миллиметре от моей левой руки, срывая куски ткани с куртки. Руку дёрнуло силой сорвавшейся в галоп лошади, натужно щёлкнуло плечо.

В глазах потемнело. Я громко вздохнул, приглушая боль. Левая рука повисла мясным куском, но правая всё ещё крепко сжимала пистолет, направленный в сторону двери и куска косяка, полукругом отгрызенного сгустком. В нём показалась грудь жирной туши. Пистолет гаркнул. Баба покачнулась и с уханьем упала. Я подскочил к двери и закончил минус контролем в голову.

Одна избитая в серых обносках всё ещё неподвижно лежала, а вторая пригнулась и смотрела на меня сквозь засаленную паклю чёрных волос, свисавших практически до губ.

– *Не двигайтесь, мать вашу. Я нервный сегодня*, – выпалил я, быстро подошёл к убитой четвёртой и заткнул её пистолет себе за пояс. Крови на левой руке нет, я даже мог подвигать ей, но это причиняло дикую боль. Вывих. Не знаю, насколько серьёзный, но разбираться нет времени.

Стол в дальней части комнаты поцарапало бетонной шрапнелью, свалив одну из продолговатых фляг. Из её пробитого борта лужицей вытекла бесцветная жидкость. Я прихватил одну из коробочек со стола и, как когда-то мне на фронте помогали автоматами, просунул её под левую подмышку. И правой рукой с силой прижал левый локоть к телу.

Плечо с щелчком встало на место. У меня от боли перехватило дыхание, в ушах зазвенело. Сквозь звон я едва различил одиночное пиликанье за спиной. Очень близкое пиликанье. Тело среагировало быстрее разума, подгибая ноги и разворачиваясь лицом к мониторам. Ящик рядом с ними оказался пуст. Вторая избитая баба стояла в шаге от меня с раскрытым пластиковым обручем в руках.

Мои колени коснулись пола, а правый кулак апперкотом ушёл вверх. В пах суке. Её пробила дрожь, глаза выпучились, и она рухнула на колени, хватая ртом воздух. Новый удар в челюсть повалил её на живот. Я выхватил обруч из её рук и несколько секунд возился с ним, левая рука едва шевелилась. Получилось его застегнуть, чтобы экранчик на передней части потух. А дальше я приложил к нему большой палец и аккуратно нащупал на заднем утолщении кнопку. Экранчик моргнул оранжевым, обруч разошёлся. Чтобы через секунду сомкнуться с пиликаньем на тонкой шее. Бабу дёрнуло, экранчик тускло засветился зелёным.

– *Не двигайся, сука.* Арт*, мать твою,* арт, – крикнул я и направил в голову бабы пистолет. И чтобы совсем дошло, приподнял за волосы и пару раз ткнул им в лицо. Но та лишь натужно дышала и сжимала ноги. От физиологии не попрёшь, удар в пучок нервных окончаний каждому болезнен.

Я сдержался, чтобы не отвесить ей смачного пинка. Кто знает, что делает этот пластиковый ошейник, но от него та

долговязая слушалась жируху беспрекословно. Что это вообще за устройство такое? Да и что эта жиробаска кулаком делала, что аж стены ломала? Чем больше происходит, тем меньше у меня понимания происходящего.

В следующие несколько минут я проверил лежавшую около рабочей панели с мониторами женщину, но она не дышала, и пульс на шее не прощупывался. Потом вернулся к столу и подобрал первую из продолговатых фляг, внутри – обычная вода. Я оторвал от рукава кусок ткани и долго прочищал нос и горло, стараясь избавиться от ужасного приторно-солёного привкуса. Но, наверное, нос можно было и не трогать: в комнате пахло немытыми засаленными телами. У всех четырёх баб, жирухи и её трёх подруг, волосы хоть и короткие, но слипшиеся и засаленные. А рядом с ними глаза аж слезились от вони.

В коробке, с помощью которой я вправлял плечо, лежали запечатанные пластиковые пакеты с мягкими бисквитами, размером с ладонь и толщиной в палец. На пакетиках незнакомые закорючки, что-то между иероглифом и буквами, а кое-где вообще клинопись из чёрточек и кружков – но промытый нос не обмануть, рецепторы пощекотал аромат хлеба с сыром и мясом. А на вкус – преснятина, чувствовался только хлеб, но и без этого бисквитов в коробке с два десятка. Таких коробок на столе четыре, а ещё в ящике около рабочей панели их под завязку. Вот только один из термосов пробит, остальные четыре вполовину пусты. Воды мало, но

бабы ведь её где-то достали. Я вытряс на стол бисквиты из одного короба, положив внутрь два разряженных пистолета. Странно, что нет запасных магазинов, но, скорее всего, бабы вообще не ожидали нападения, а пистолеты им нужны как элемент формы. У жирухи же и вовсе не нашлось ничего полезного.

Теперь, когда я обезопасил себя и ликвидировал угрозы, у меня осталось две задачи: разобраться с рабочей панелью с мониторами и допросить обездвиженную девушку, всё ещё корчащуюся от боли. Допрос лучше отложить, когда она чуток оклемается.

Мониторов над рабочей панелью десятки, один большой по центру, средние по бокам и мелкие на самой панели. На всех сотни строчек на чём-то, напоминающем арабскую вязь. На одном из маленьких экранчиков на панели двигалась строчка, арабская вязь в ней сменилась иероглифами, за ними пришли слова из всамделишных букв английского алфавита, только с апострофами. Затем пришли английские слова с излишними суффиксами. Потом просто английские слова. И приятная фраза: «Параметры отображения информации». Мои руки затряслись от накативших эмоций, пришлось чуть прикусить кулак, чтобы успокоиться. Давившая на создание неизвестность отступила. Что бы там ни было, но я, по крайней мере, не абы где. Все шесть языков – это признанные международные языки.

От нажатия на строчку практически на всех экранах из-

менились надписи. Они всё так же из арабской вязи, но на большом экране одна из строчек каждые десять секунд менялась. И сложно не понять надпись «Выбор языка». От её нажатия на одном из маленьких экранчиков высветился список из шести языков. Я с довольной улыбкой выбрал наш великий и могучий.

«Внимание, укажите причину смены языка: Собака съела пуль от телевизора; Я преисполнился в своём познании; Я проснулся в тёмной капсуле; Меня преследуют огромные тараканы»

– *Что за бред?* – в трёх из четырёх строк отсутствовал хоть какой-то смысл. Я ткнул на строчку с капсулой. Все строчки сменились небольшой рамкой с мигающим курсором и просьбой ввести фамилию, а на экранчике рабочей панели появилась клавиатура. Подушечки пальцев аккуратно тапали по сенсорному экрану, за вводом фамилии последовало имя, потом отчество, дата рождения, название университета, улица, где жил, название моей фирмы. А следом эта сволочь попросила ввести имя жены с её датой рождения, и то же про детей.

– *Надеюсь, ты подавишься*, – процедил я, введя дату рождения младшего сына.

«Благодарю за подтверждение своей личности. Идентификационный номер 56-55-А-У43 подтверждён. Скажите, как к Вам обращаться?»

Пальцы настучали знаковые буквы. Моргнула надпись,

что имя обращения принято и начата калибровка отображения информации. Экранчики потухли, чтобы показать всё на родном и понятном языке.

«Здравствуйте, Ёжик. Вас приветствует ИИ-помощник проекта «Осирис». Вы находитесь в 23 оплоте проекта.

Общее количество загруженных линготов проекта: 20 000 000 капсул.

Количество загруженных линготов в 23 оплоте: 20 000 капсул.

Количество деактивированных капсул: 19 998 штук.

Количество раскрытых капсул: 2 штуки.

Количество пустых капсул: 1.

Подтверждённое количество пробуждённых линготов в 23 оплоте: 1.

Внимание, не удаётся установить связь с другими оплотами. Отсутствует соединение со спутниковой сетью. Невозможно установить иерархические взаимосвязи. Вам установлен допуск «Хранитель» ко всем структурам и возможностям 23 оплота.

Внимание, истощение энергии 23 оплота. Энергетический контур оплота работает на элементах, загруженных в реактор 14 циклов назад. Оставшееся время работы реактора составляет примерно 68 дней при минимальном энергопотреблении. В случае отключения реактора запасённой энергии в фазовых батареях хватит на 7 дней при минимальном энергопотреблении.

Вывожу список возможных энергетических компонентов…»

На экране вышел список из сотен позиций, начиная от МОКС-топлива и заканчивая какими-то фазированными решётчатыми и дифлюксовыми накопительными ячейками. Нашлась и привычная нефть с её производными, но с примечанием, что выхлоп от них составит лишь жалкие семь процентов.

И только я хотел крепко выругаться, потому что уже ничего не понимаю – как со стороны стола раздался голос.

Глава 2

Лежавшая около стола девушка не двигалась, но сквозь засаленные патлы ошарашенно смотрела то на меня, то на экран со сменившимися надписями.

– Гастата руса лэ! Нуру-ту… – забалакала она на своей тарабарщине бойким голосом.

– *Помолчи. Не до тебя сейчас.*

– Астура даска-ла? Нуру тугна дака! Арка…

– *Завались*, – я резкими шагами приблизился к девке. Та замотала головой и открыла рот, но я направил дуло пистолета ей в голову. – *Заткни, свой, рот. Ты меня понимаешь?*

Девка быстро задышала, испуганный взгляд карих глаз перепрыгивал с пистолета на меня. Она закрыла рот и сжалась, вдавила голову в плечи.

– *Встань*, – я помахал пистолетом, но девка лишь испуганно моргала. Я несколько секунд копался в воспоминаниях, выискивая недавно услышанное слово. – Гурна.

На это слово отреагировал экранчик ошейника, моргнув синим. Девка смогла пошевелить руками, аккуратно прижала их к телу. И замерла. Лишь после очередного покачивания пистолетом она боязливо медленно встала, безразмерные серые обноски покачивались парусиной, скрывая очертания её тела.

Я спросил девку на русском языке, понимает ли она меня.

Та в ответ таращилась на меня. Затем я спросил то же самое уже на английском языке. Результат одинаков.

– *Ситуация*, – я удручённо цокнул языком. Эта сука пыталась на меня ошейник нацепить, он явно бы доставил неприятностей. У меня есть право вышибить ей мозги, но зачем лишние трупы? Да и неплохо было бы понять, кто она и что происходит.

Я показал девке на один из угловатых серых стульев у стола. Та посмотрела на закруглённую спинку стула, но ничего не поняла. Пришлось взять такой же стул и притащить к рабочей панели.

– *Сядь*, – я показал девке на её стул, одновременно садясь на свой. Та задумчиво осмотрелась. Мне пришлось встать и опять сесть, сопровождая это простым словом. В этот раз в голове девушки наконец-то защёлкали шестерёнки, она показала себе на грудь, потом на свои колени и стул. Я довольный закивал.

– *Сядь*, – я опять встал и показательно сел на стул. Экранчик на ошейнике девки загорелся синим, и та тут же упала жопой на стул. Экранчик вновь стал тускло-зелёным.

Понимая, что начинаю кое-что понимать, я провёл эксперимент со словом «встань». На третий раз, встав со стула, я ткнул пальцем в сторону девки. Экранчик моргнул синим, и та подскочила ужаленной под хвост козой. На приказ сесть экранчик не изменился, но девка села моментально. У меня заболело в висках. Не знаю, как именно работает ошейник,

но подобная ему хрень не должна сомкнуться на моей шее.

– *Давай знакомиться. Ёжик*, – я показал на себя и девушке на грудь. И повторил.

– Аста, – бойкий голос девки потерял былой запал, теперь она говорила робко и трусливо.

– *Ёжик, Аста?* – я показал на себя и девку, на что та закивала. – *Так вот, Аста, сиди на стуле и молчи,* – я прислонил палец к губам. И вопросительно прищурился. Аста заметалась взглядом по моему лицу, опасливо показала на себя, на стул, на свои пухлые губки и скрестила пальцы с невысказанным вопросом во взгляде.

– *Умничка*, – я искренне улыбнулся ей и кивнул, на что девка вздрогнула, но сама робко кивнула. Отлично: контакт налажен, а понять друг друга мы как-нибудь сможем. Теперь надо почаще оглядываться и прислушиваться, дабы Аста не огрела меня чем-нибудь тяжёлым по голове. Она вряд ли может кидаться теми сине-оранжевыми сгустками, иначе бы давно так и сделала.

Я вернулся к рабочей панели с экранами. Под высвеченным сообщением о заканчивающейся энергии моргала кнопка о принятой информации. От нажатия на неё в среднем боковом экране отобразился список состояния оплота: по краям красной строчки энергии два восклицательных знака, остальные строчки зелёные. Воздух чистый, автоматика запустила его фильтрацию тридцать один цикл назад, и фильтров хватит ещё на двести лет. Фильтры для воды вообще не

тронуты, и хоть автоматика запустила водную систему вместе с воздушной, но ни одна капля воды не была подана через краны. То же самое с запасами еды и складами с расходными материалами – всё не тронуто.

На центральном экране появился десяток широких надписей со строчкой во главе: *«Ознакомительные инструкции для первого пробудившегося лингота, с установленным уровнем пользования Хранитель»*.

– Вот этот «лингот» – это меня сейчас нахер послали? – спросил я сам у себя больше для разрядки обстановки. Потому что чушь какая-то происходит.

Среди десятка появившихся широких кнопок нет кнопки «*Жмяк, если непонятно*», зато есть *«Структура оплота-комплекса 23», «Задачи Хранителя», «Возможности автономного самообеспечения»* и прочее и прочее, даже есть *«Инструктаж с советами и предполагаемыми действиями для встречи с пробуждёнными линготами из других оплотов и возможными аборигенами»*. Есть подозрение, что этот инструктаж можно пропустить. А ещё среди кнопок моргает *«О проекте Осирис»*.

– Дичь какая-то и ё… – я сам себя заткнул, не позволив матюкнуться. *– Чего там говорили, мозг сам создаёт сны и вот это вот всё? Всё происходящее со мной – что угодно, но не сон. Настолько тупорылые сны я видеть не умею.*

Проект «Осирис», если верить бредятине с экрана – это одна из программ возрождения человечества после апока-

липсиса. Что за апокалипсис и какие ещё программы есть – ничего из этого не поясняется. Но зато проект «Осирис» выполняет две задачи: возрождение человечества через детей линготов; и, в случае чего, подчинение и ассимиляция со случайно выжившим человечеством. Для обоих случаев по миру разбросаны тысяча оплотов пяти типов: «роевня», у неё задача усиленно размножаться; «замок», для захвата аборигенов или защиты ближайших оплотов; «завод», для обеспечения ближайших оплотов всем необходимым; «башня», как центр технического обеспечения и постепенного внедрения в быт возрождающегося человечества всех имеющихся технологий; и «комплекс», что-то среднее между «заводом» и «замком», заточенный на логистику и разведку. В случае чего каждый оплот может самостоятельно исполнять функции всех типов, но разделение, всё же, предпочтительней.

Но большей дичью выглядит объяснение о линготах, которое мой мозг напрочь отказался понимать: там тотальный бред. Чуть менее бредовей написана история проекта «Осирис». Его начало положено в 2184 году нашей эры, а создание линготов начато в 2214. К 2275 году вся тысяча оплотов была закончена, а уже в 2292 году их заполнили линготами и всем необходимым для автономного существования.

Я долго тыкал по экрану, но так и не смог выяснить, почему нигде не указывалось точное время активации оплотов. Лишь указывалось, что после 2302 года оплоты должны мо-

ниторить радиацию, кислород и прочее в воздухе, и обмениваться данными. По достижении пригодных для жизни показателей оплоты сперва выпускают дронов на анализ почвы и воды. Если их показатели укладываются в нормы – проект «Осирис» входит в «Фазу пробуждения и адаптации линготов».

Я тыкнул на список хранящихся вещей для автономного выживания оплота. И дрожащей рукой потянулся к пистолету. Захотелось вышибить себе мозги, чтобы весь этот бред прекратился. От мандража меня всего переклинило, я глубоко задышал, стараясь успокоиться. И отвернулся от экрана. В одной из строчек длиннющего списка значились сотни каких-то фазированных решётчатых ячеек, с примечанием, что оплоту в режиме ожидания их хватит на десять тысяч лет.

– *Надо выбираться из этого сна, иначе я себе мозги вышибу*, – сказал я, глядя строго в глаза Асте. Она всё так же сидела около стола и удивлённо таращилась на меня. Мне требовалось срочно отвлечься от происходящего, а на усыпанном бетонной крошкой столе лежали коробки с бисквитами и термосы с водой. Вот за первый попавшийся я и ухватился, показав Асте.

– *Может, чего умного скажешь*? – на мой вопрос Аста чуть наклонила голову. – *Термос,* – я потряс им в руках и, открутив крышку, налил чуток воды в ладонь. – *Вода. Понимаешь? Термос,* – я протянул одну руку. – *Вода,* – протянул

вторую.

– Ускурук, куру? – Аста с вопросом перевела взгляд с одной руки на другую.

– Ускурук? – я потряс термосом, на что девка закивала. Дальше я налил воды в ладонь и произнёс второе слово, на что девка опять закивала. – *Так вот, Аста.* Куру*, где? Откуда?* – я обвёл руками комнату и раскинул их, намекая на весь комплекс. – Куру. Куру *откуда*? – я потряс мокрой ладонью, показал на Асту, трупы баб и ещё раз обвёл руками комнату.

Аста несколько секунд растерянно хлопала глазами, прежде чем сложила ладони лодочкой и показал, будто пьёт с них. Дальше она показала на термос, произнесла «куру» и показала на меня. Я кивнул. Аста задумалась, ткнула пальцем вверх на потолок и показала, будто крутит руль. Я с вопросом во взгляде выставил три пальца. На лице Асты, запачканном машинным маслом, проскочила мимолётная улыбка.

Через несколько минут, кивков и жестов мы поднимались по лестнице. Девка шла обычным шагом и резко в стороны не мотылялась, потому что я ещё в комнате достал пистолет из кобуры. В каком-то оплоте непонятного проекта, от описания которого извилины в мозгу заплетаются – в таком месте хочется иметь что-то повесомее пистолета. Но и он лучше пустоты.

– *Слушай, Аста*, – обратился я к девушке, медленно поднимавшейся впереди меня. Аста повернулась, на что я же-

стом показал ей не останавливаться. – *А кто вы вообще такие? И откуда, а?*

– Аут насара-на рон, – неуверенно произнесла девушка.

– *Ага, я примерно так и понял. Но вопросы прежние. Вы кто такие и откуда нафиг, я вас не звал, езжайте… Короче, кто вы и откуда?*

– У-у-у, – глупо протянула Аста, пытаясь хоть немного понять услышанное. – Наска атара-зу. Ланая аюс, уску-но асара шас.

– *Как интересно. Но ты, продолжай, продолжай*, – я помахал ладонью, намекая ей не останавливаться. У Асты глаз на затылке нет, но она, кажется, поняла меня, и на своей тарабарщине понеслась чего-то рассказывать. Я слушал её внимательно, стараясь вычленить знакомое слово из русского языка или, на худой конец, английского. Но ничего похожего так и не услышал, даже когда мы поднялись по лестнице на этаж с натоптанными мазутными следами.

В нескольких поворотах от ангара Аста резко остановилась. Я направил в её голову пистолет, но девка не испугалась и лишь презрительно отмахнулась. Она выставила два пальца и показала на этаж ниже, примерно в сторону комнаты с рабочей панелью, а затем двумя растопыренными пальцами показала в сторону ангара.

– *Тип, две там отдыхают, и ещё две где-то ещё?* – я показал сперва в сторону ангара, а затем пальцами спародировал ходящего человечка. Аста закивала. Я с усмешкой по-

тряс пистолетом. – *Догадайся, откуда он у меня.*

Аста несколько раз хлопнула карими глазами, глядя на пистолет, прежде чем приоткрыть рот и резко мотнуть головой в сторону ангара. Она тяжело задышала и посмотрела на меня взглядом загнанного в ловушку зверя. Аста что-то растерянно выпалила и поспешила к ангару, шаркая сероватыми мешковатыми обносками. Я хотел её окрикнуть, но решил дать девке возможность действовать самостоятельно.

В ангаре Аста пошла не к трупам долговязой и коренастой, а к воротам. Высотой с десяток метров и шириной в три десятка, разделённые на шесть частей, они массивными гидравлическими приводами должны открываться вверх. У боковой секции на полу десятки следов шин. Рядом с ней на стене – рабочая панель в несколько ладоней высотой. Давно не работающая.

Аста ударила ребром кулака по погасшему экранчику и принялась гневно кричать, показывая на меня, куда-то за стену и тыкать на трупы. А ещё она несколько раз аж выплёвывая слова, стуча костяшками себе по голове и показывая на мою промежность.

В какой-то момент девка махнула на меня рукой, прошла к тягачу и потянулась к пассажирской двери. За ней вместо сиденья – проход в заднюю часть салона. Где дверь к прицепу с угловатой танковой башней.

– *Куда?* – я направил дуло в голову Асты. Та гневно посмотрела на меня сквозь слипшиеся патлы, практически

полностью закрывавшие лицо, с нечленораздельным бурканьем махнула в сторону закрытых ворот. И открыла дверь. Я не смог выстрелить. Общую информацию я, может быть, получу из рабочего терминала, но вряд ли там отыщутся актуальные сведения о мире за пределами оплота.

– *Только открой заднюю дверь, и я тебе мозги вышибу*, – бросил я девке, но следом за ней в тягач не полез. Я поставил ногу на переднее колесо, подскочил на капот и выставил руку с пистолетом, наблюдая за Астой через лобовое стекло. Она долго ковырялась в настенных шкафах, вытряхивая на пол содержимое, а затем разразилась воплем обиды. Она ухватилась за голову, упала на колени и просидела так с минуту, что-то бормоча под нос. А вскоре вышла с опущенными плечами и взглядом пустым, как после штурма «посадки».

– Гаска, гаска, – прошептала Аста, глядя на меня. – Гасара, шас, – она цокнула языком и показала на ворота ангара. – Атара раша зараса… Ут наха, – Аста угрюмо махнула рукой.

– *Совсем поехавшая, да?* – я покрутил пальцем у виска. Это девку рассмешило. Она долгую минуту сотрясалась, удерживая гогот внутри себя, но отдышалась и посмотрела на меня как на идиота. Аста жестами показала, как жируха запустила тот странный сгусток во что-то похожее на клавиатуру, расположенную снаружи ангара. Сгусток ударился в клавиатуру, и боковая створка ангара открылась, чтобы туда заехали три машины: два седана и один тягач.

– *То есть, ворота не открыть без той жирухи?* – я пока-

зал в сторону комнаты с экранчиком. Аста гневными жестами показала жируху, коренастую и долговязую, каждый раз очерчивая на груди силуэт безрукавного жилета.

– *Без них наружу не попасть?* – я показал на трупы, на ворота, и скрестил руки. Аста оскалилась от злобы и аж радостно захлопала в ладоши. Девка вскинула руку в сторону ворот, куда-то далеко за них, показала как рулит машиной, и выставила четыре пальца. Я с вопросительным прищуром показал на три машины в ангаре. Аста низко кивнула.

– *Ситуация*, – я цокнул языком. Кажется, Аста меня поняла, и сама то ли шикнула, то ли вздохнула, но понимающе развела руки и пожала плечами.

Я ткнул в сторону трупов долговязой и коренастой, потом одновременно показал четыре пальца, махнул за ворота, и сомкнул ладони в дружеском приветствии. Аста закивала. Я опять показал на трупы, на Асту, и пару раз прислонил кулак к своей челюсти – но продолжить не успел. Аста алчно улыбнулась и тыльной стороной указательного и среднего пальца постучала себе по трахее, а потом показала на меня, чувственно облизнула палец и, прокручивая, вставила его в закрытый кулак. У меня аж «очечело» сжалось. Я показал на свою промежность и на высушенный ёлочкозаменитель в тягаче. Аста что-то оттянула от своей промежности и обрубила это под корень, а затем в ладони покатала два невидимых шарика, чтобы резко сомкнуть кулак и со всей силы дёрнуть рукой. Ладно ещё получить пулю в лоб, не знаю, что вообще

со мной происходит, но обычно после такого не выживают – но у меня нет желания испытать всё показанное Астой.

Я с ходу не смог придумать, как жестами изобразить смену дня и ночи. Но справился с помощью протёкшего масла, нарисовав на полу круг с полумесяцем и солнцем.

– *День*, – сказал я, покрутив пальцем круг от солнца до луны и обратно. Потом показал в сторону ворот ангара, и как рулю машиной. – *День, сколько?*

Аста задумчиво пожала плечами. Она зачем-то прочертила горизонтальную линию через весь полумесяц, а потом выставила руки. На левой отогнуто три пальца, а на правой один. Этого достаточно для понимания ситуации.

Я захотел вернуться на второй этаж к панели с экранчиками, но вовремя вспомнил про воду. Аста без лишних движений зашла в кабину тягача, открыла заднюю дверь в салоне и вышла наружу, жестом приглашая пройти внутрь. На мой недобрый прищур Аста приподняла руки над головой и отошла от тягача.

Центральная часть прицепа занята барабаном заряжания пушки, но снаряды меньше танковых, больше похожи на удлинённые мины или даже продолговатые снаряды пушек Второй мировой войны. В задней части прицепа на стеллаже десятки таких снарядов, устройства по автоматической досылке в барабан нет, но между барабаном и стеллажом спокойно разместится человек. В передней части прицепа импровизированный склад. Там нашлась прямоугольная боч-

ка с водой, несколько ящиков с бисквитами, всякий инструмент и даже небольшой бур на электрическом питании. А ещё отыскался кусок брезента, только странный, как и вообще всё в прицепе: гладкий и не шуршащий в руках.

– Гальна? – Аста с вопросом показала на кусок брезента.

– *Узнаешь. Пошли обратно*, – я кивнул в сторону выхода из ангара. Аста какое-то время смотрела на меня изучающе, недоверчивым взглядом карих глаз откусывая от лица по кусочку, но сдалась и спокойным шагом побрела на выход.

В комнате с рабочей панелью ничего не изменилось, хотя я бы не удивился, пропади один из трупов – мало ли что может случиться в этом наркоманском бреду. Я показал Асте на стул и только хотел приказать сесть, но девка с насмешливой ухмылкой плюхнулась на стул, внаглую открыла один из коробов и зашуршала упаковкой бисквита. И всё время смотрела на меня с ехидцой, наслаждаясь происходящим. Хотелось бросить ей едкую фразу, но на выяснения отношений времени нет.

Во всём хитросплетении информации на экранах надо отыскать несколько вещей, необходимых ещё вчера. И я бы долго переключался между окнами, но вовремя заметил в центре правого бокового экрана горизонтальную разделительную черту. Ниже черты – список инструкций для «Хранителя», включая инструкцию по подготовке комплекса к пробуждению остальных линготов. Часть выше черты оказалась пуста, внимание привлекала лишь надпись *«ИИ-помощ-*

ник» и окно ввода с призывно мигающим курсором.

Сенсорная клавиатура была задействована для главного экрана, поэтому я ничего умнее не придумал, как ткнуть пальцем в верхнюю часть бокового экрана. Его контуры подсветились салатовым, а у правого края появилась двойная стрелочка к главному экрану. От нажатия на неё изображения поменялись местами. Затем я тыкнул на экран с инструкциями и у него также появилась стрелочка к главному экрану, а повторный тычок отдалил изображение инструкций и высветил общую схему рабочей панели. При желании её можно перенести в любое место.

– *Прикольная игрушка*, – я усмехнулся и, вернув всё как было, настроил клавиатуру на экран со строчкой *«ИИ-помощник»*, где ввёл *«Удалённое управление»*. Высветились варианты продолжения этой фразы и её контекстного использования, включая *«Переносной терминал Хранителя»*. Я взмолился, чтобы он не лежал в комнате с рабочей панелью, иначе его давно упёрли. Но обошлось. В оплоте несколько таких терминалов в складах на каждом этаже. Ближайший склад под номером «2-8.1-Л», вот только таблички-то в коридорах все скрутили.

Поиск в рабочей панели напоминал поисковые запросы в интернете, наверное, поэтому и получилось найти полную карту оплота с первого раза. Высотой эта махина в пять этажей. Пятый этаж расположен глубже залов с капсулами на сотни метров, и шириной он в несколько километров. Там и

зоны для обновления питательной массы для капсул, и сотни складов, и две каких-то герметичных комнаты, и два огромных реакторных отсека с собственными хранилищами. От них по широкому лифту тянется к четырём из восьми ангаров. На четвёртом этаже оплота четыре квадратных структуры по четыре зала с капсулами, и от них лестницы с лифтами поднимаются в хитросплетение паутины трёх широченных верхних этажей.

Я долго провозился, прежде чем на карте отобразилось расположение всех дверей. Почти все закрыты, как и все переходы между блоками. Это радовало: можно не беспокоиться, что где-то шастают полоумные бабы, жаждущие отчекрыжить от меня кусочек.

– *Осталось самое сложное*, – я настукал на клавиатуре необходимые фразы, найдя меню активации лифта и вкладку управление ангаром. И, на всякий случай, узнал состояние станций мониторинга.

Сто семьдесят пять станций разбросаны вокруг оплота на десятки километров и прикопаны в землю на тридцать метров. У каждой станции есть вертикальный бур для прокопки земли, и весь набор устройств для анализа воздуха. Все сто семьдесят пять станций работали автономно, соединяясь с оплотом проводами в мощных защитных кожухах, и в них нет ни одного обрыва. Так почему же напротив каждой станции светится надпись «*Отсутствует соединение*»?

– *Ситуация*, – я задумчиво посмотрел на Асту. Она за

прошедшее время умяла несколько бисквитов и сейчас, скучая, крутила в пальцах трубочку из свёрнутой прозрачной упаковки.

– Усно атара-да? – с издёвкой спросила девка, показав на раскрытую коробочку с бисквитами.

– *И тебе не болеть*, – я отвернулся к экранам и через несколько минут возни заставил оплот включить нужный мне лифт. Экранчик с запасами энергии жалобно пиликнул, что пользование лифтом уменьшит доступную энергию – но это последнее, о чём сейчас стоит беспокоиться.

– *Пойдём*, – я показал Асте вставать и идти в коридор. Та без всякого сопротивления послушалась, лишь меланхолично ухмыльнулась.

– *Куда?* – я по-командирски прикрикнул, когда Аста в коридоре повернула налево, к ангарам. Девка развела руками в немом вопросе. Я показал направо. – *Иди давай, времени мало. Одну я тебя всё равно не оставлю, тем более около мониторов. Сломаешь их ещё.*

Аста не поняла меня, но зато прекрасно поняла, когда я похлопал себя по левому плечу и показал рукой влево. Потом то же самое с правым плечом, грудью и похлопыванием по спине. Всё сопровождалось простыми словами, а Аста меланхолично повторяла уже на своём языке. Благодаря этой простенькой коммуникации мы быстро продвигались по коридорам. Девка спокойно шла впереди меня, изредка шаркая изношенными серыми ботинками по бетонному полу и

что-то удручённо бубня под нос. Но испуганно попятилась к стенке около приоткрытой двойной двери.

Аста удивлённо показала на раздолбанную стену аж до прочной начинки и понеслась лепетать на своей тарабарщине. Я прислонил палец ко рту, намекая помолчать, и отдал команду «Арт». Экранчик на ошейнике моргнул синим, и девку дёрнуло. Та замерла и только могла смотреть, как я схватился за выехавшие из полотна дверей рукояти.

Огромное бежевое помещение заставлено зелёными промышленными стеллажами с коробками, бочками, пластиковыми контейнерами, связками труб, инструментов, банками с едой и другими нужными вещами. Набили его под самый потолок, да и между стеллажами едва можно протиснуться, и на каждой секции висело подобие «QR-кода», только квадратики перемежались треугольниками и прямоугольниками. Вверх склад тянулся на двенадцать-тринадцать метров, на каждом стеллаже есть лесенки, а под потолком болтались лебёдки с цепями для спуска грузов. В ширину склад будет не меньше пятидесяти метров, а в длину и вся сотня.

Я аж присвистнул, облокотившись на стоявшую около входа рохлю. В склад нанесли вообще всё, что только смогли. Не удивлюсь, если здесь найдутся даже презервативы и «увеселительные свистки в жопу для смелых и умелых». Но в этом общем складе не хватает оружия. Но я не за ним пришёл.

Недалеко от входа на стене висел щиток с надписями на

шести языках и шкатулкой в полторы ладони. Как раз она мне и нужна.

В коридоре, прислонившись спиной к стене, стояла Аста. В серых мешковатых одеждах из странной джинсы, в изношенных серых ботинках и со свисающими до пухлых губ чёрными засаленными волосами – видок бравый, но совсем уж лишнее искать ей одежду. По крайней мере сейчас, пока она брелком за мной таскается. Да и вопрос о её будущем всё ещё открыт, как и о моём. Но меня больше волнует моё настоящее и прошлое.

Я показал Асте в сторону комнаты с рабочей панелью. Аста пошла сразу, постоянно оборачивалась на меня. Меланхолия в её взгляде и движениях пропала, но появилась растерянность. И какая-то надежда? Такие изменения оправданы, если скорые гости ей голову отрежут.

– *Слушай, Аста*, – только я начал говорить, как девка повернулась ко мне зашуганным кроликом. Я постучал пальцем себе по виску. – *Ты до сегодняшнего дня на голову не жаловалась?*

– Шаяр уюс-та?

– *Я так и понял. Не останавливайся, иди давай,* – я помахал пистолетом. Аста этот жест прекрасно поняла и, медленно развернувшись, пошла дальше. – *Знаешь, мне до сих пор надо узнать, кто вы и откуда припёрлись. Но, надеюсь, что ты одна такая, а остальные хоть немного мозгами ворочают. Сама же видела, как я мониторами пользовался.*

Неужели сообразить не смогла, что всякое могу открыть? У вас там, что, компьютеры никогда не видели? Ну, там… – я взмахом руки показал в сторону створок ангаров. И тяжело вздохнул. Руки задрожали, взгляд замельтешил. Меня пробила «слонячка».

Я быстро задышал, насыщая кровь кислородом, чтобы перейти на глубокое и медленное дыхание. В воспоминаниях возникли образы жены и детей, наши семейные ужины; как в обед сын сел в машину и по дороге рассказывал, что на уроке физики пятёрку получил; как утром с женой разговаривали о её беременности и оба прекрасно понимали, что четвёртый ребёнок в нашем возрасте уже в тягость, но и оба знали, что на аборт никогда не пойдём; как разговаривал с представителями строительной фирмы; и как подъехал к дому. А теперь я здесь, но где? Где я, мать её итить? Где я, и где это какое-то «там»?

Я задрожал и закрыл голову руками, стуча рукоятью пистолета по виску, стараясь вправить мозги и окончательно их выбить. Взгляд метался по бетонному полу, зубы стучали, тело пробивала дрожь, сознание отказывалось понимать происходящее. Аста спряталась за поворотом и опасливо выглядывала из-за угла краешком немытой головы, смотря, как я едва не согнулся калачиком от накатывавших чувств. Несколько минут я стоял посреди коридора, дыша через раз и едва удерживаясь, чтобы не приставить к виску дуло пистолета. Кое-как получилось тяжело вздохнуть и вновь повто-

рить «семь-на-семь». К последнему глубокому вдоху я уже мог думать, как человек, а не как перепуганная свинина.

– *Я допустил ошибку*, – предельно строгим голосом сказал я, приближаясь к Асте. Та с опаской смотрела на пистолет в моих руках, но я лишь махнул рукой продолжать движение. – *Трупы выносят после того, как позиции осмотрены и все угрозы в минусе. Погнали, глянем, чего там снаружи.*

Перед этим надо было заглянуть к рабочей панели. Я сразу направился к ней, напрочь забыв про Асту. Она растерянно встала посреди комнаты. Я видел её отражение на боковом экране, девка чуть приблизилась и с интересом наблюдала за моими действиями. Но дистанцию в пять шагов не сокращала. За это ей спасибо, я в последнее время дёрганый.

В шкатулке, прихваченной со склада, лежал сложенный гармошкой планшет. Для окончательной настройки его надо приложить к одному из экранов. Разложенный планшет размером в две ладони и практически невесомый, с тонкими гранями и десятком камер на белой тыльной стороне. Экран планшета моргнул белым, на нём высветилась карта блока «8-Л», эта же карта висела на главном мониторе рабочей панели. И иконка лифта около лестницы светилась зелёными.

Лифтом я пользоваться побоялся, хотя с десяток минут назад планировал затащить в него трупы и вести их в ангар – но кто знает, сколько тот простоял без движения? Зато Аста чуть не упала в обморок, увидев работающую панельку у лифта. На двух клавишах стрелочки вверх и вниз, а на

экранчике горит цифра первого этажа.

– Гилана уласа? Тая-на ата-шу? – выпалила Аста, показав на лифт и планшет в моих руках. Я с усталой улыбкой показал ей двигать дальше. Девка не заткнулась и, перебирая ногами, бодро махала руками, показывая на себя и на меня, тыкая куда-то в сторону и стуча себя в грудь. А от вида массивных створок в ангаре широко улыбнулась.

– Унта, унта, унта, – радостно причитала Аста, взмахами прося пошевеливаться. Я прислонил палец ко рту и постучал себя по виску, мол, мне сосредоточиться надо. Та намёк поняла и сразу замолчала, но ворочала заинтересованным взглядом от меня к створкам ангара и обратно.

Терминал «Хранителя» работал по тому же принципу, что и поисковое окно рабочей панели, так что нужная вкладка нашлась быстро. Под потолком натужно скрипнул металл, громко шикнули гидравлические приводы, закрутилась массивная шестерёнка и боковая створка ангара поднялась, медленно прижимаясь к потолку. В лицо ударил тёплый и сухой ветерок, нос пощекотал запах земли. Аста ребячески заулыбалась, радостно затрясла кулачками. И выбежала из ангара, промчавшись мимо трёх продолговатых контейнеров у рабочей панели на внешней стороне стены. От них к наружной боковой панели тянулись провода.

За открытой створкой – длинный туннель высотой с ангар и длиною в сотни метров. Бетонный потолок подпирают массивные квадратные колонны, они освещены редкими то-

чечными светильниками, а пол весь в следах шин. Чем ближе конец туннеля, тем больше песка и земли.

Аста взобралась на небольшое земляное возвышение на выходе из туннеля и дышала полной грудью. А я, чем ближе подходил к концу, тем сильнее щурился. На улице ярко светило солнце, глаза после темноты туннеля с непривычки болели, но постепенно привыкали к свету.

Вокруг нас, опускаясь с возвышенности, тянулся луг с высокой и густой зеленоватой травой. Ветер раскачивал её волнами, шуршал мешком с зерном. Среди травы пучки кустарников с красной листвой. Поодаль от туннеля, по накатанной колее шин, лес из деревьев с тёмно-фиолетовой листвой и волнистыми стволами как из сотен сплюснутых шариков. За лесом скользила река с красными, зелёными и жёлтыми травами на берегах.

С громкими хлопками из леса вылетела синяя птица с длинным крючковатым клювом, хохолком из ярко-красных перьев и вытянутым туловищем с двумя парами массивных крыльев. От их хлопков из травы взбудораженно поднялись суслики высотой в половину человеческого роста, с вытянутой мордой и тремя парами передних лап.

– Яска ларана уюм. Нат-да яска уно лянтара-на, – с придыханием произнесла Аста, смотря в небо.

– *Вашу бога душу мать*, – вырвалось у меня. Высоко над землёй неспешно плыли сотни астероидов, размерами с пулю до одноэтажного дома. А поверхность луны свадебным

перстнем окольцевала решётчатая металлическая структура.

Глава 3

Я не совсем понял, как оказался в комнате с рабочей панелью. Помню, как в ангаре меня нагнала Аста. Она что-то выпаливала на своей тарабарщине, тыкала на рисунок луны и солнца и с криком показывала в сторону открытого ангара. Я смутно помню, как нажал кнопку на планшете и тяжёлые механизмы с лязгом закрыли створку. Дальше была лестница, где я несколько раз чуть не споткнулся и от перелома шеи меня спасла Аста, успевавшая схватить меня за руку. А потом я сел на стул перед рабочей панелью. И хрен его знает, сколько там просидел. Аста сперва пыталась меня растрясти, но после примостилась у стола с едой.

Всё происходящее казалось бредовым, но до жути натуральным сном. Час назад я подъехал к своему дому, а теперь брожу по бетонному комплексу идиотского проекта посреди непонятной природы и пояса астероидов вокруг Земли. И сижу перед десятком экранов со всякой тупорылой информацией, сжимая в правой руке пистолет. Мой взгляд скользнул по серому корпусу к спусковому крючку. Рука дёрнулась раз, другой, точно сама собой, по миллиметру приподнимая пистолет, выше, ближе к голове, к виску.

Я одёрнул себя и крепко выругался. Вот что-что, но даже в наркоманском бредовом сне мне не нужна вторая пуля в башке. А вообще была ли та, первая пуля? Были ли жена,

дети, работа? А война? Вообще, кто я и где? Может, я вообще… кто?

Я обхватил голову руками, понимая, что продолжу эти мысли и по-любому мозги себе вышибу. В воспоминаниях светятся образы жены и детей, сердце рвалось на части от тоски. И как его успокоить?

Поодаль сидела Аста и сквозь закрывающие глаза патлы не разобрать, ждёт ли она, когда я своими мозгами стены покрашу, или же умоляет этого не делать. Ещё здесь десяток продавленных матрацев и три трупа. И рабочая панель.

Я дрожащими руками потянулся к сенсорной клавиатуре и долгую минуту в поисковой строке вводил надпись «*Личные дела линготов*». А ещё дольше среди двадцати тысяч искал одно, с моей фамилией. И до бесконечности долго не решался его открыть.

В моём личном деле про судьбу семьи ничего не нашлось, лишь имена и дата рождения. И это к лучшему, потому что пулю получил только я. А жена у меня хорошая, она умница. Я же, как закончил с клиентом общаться, то написал ей сообщение: «*Трудный день. Я денег заработал*». Жена сразу всё поняла и ответила стикером с лисой, у которой вместо глаз огромные золотые монеты, и добавила, что дети дома и все меня ждут. Не дождались. Производство без меня не загнётся, крупный покупатель найден, да и накопления я успел сделать солидные – я более чем уверен, что жена распорядилась всем этим по уму и подняла детей на ноги. А там у

них конец школы, учёба, работа, свадьбы, собственные дети. Мои внуки.

Я отошёл от экранов и закрыл глаза рукой. По щеке предательски пробежала одинокая капля. В голове крутились образы: как взрослели дети, как жили свою жизнь, как жена тащила на себе семью. От всего этого стало так тоскливо и грустно, что я даже не заметил, как позади меня появилась Аста. Она ошарашенно мотала головой, смотря то на экран, то на меня.

Аста показала на экран. Там изображение мужчины, лежащего на брусчатке у двери в подъезд. Во лбу аккуратное отверстие, под головой красная лужа, а на лице гримаса из злобы и презрения.

– Ёжик. Ёжик.

– *Ёжик-выедожик*, – я не сдержался и сплюнул, покосившись на изображение. Что бы ни происходило, но именно оно доказывает, что я не свихнулся. Что жена и дети были. Когда-то, но были. И теперь, хоть немножко разобравшись с прошлым, которому меньше часа – неплохо бы разобраться с настоящим. А его срок ограничен несколькими днями.

Есть три задачи оперативного характера: избавиться от трупов, разведать окрестности и раздобыть оружие. Ну и понять, можно ли доверять Асте или лучше её обнулить до прихода гостей. Моральная сторона вопроса – это одно, но получить удар в «псину» – совсем другое.

– *С тобой, девица-красавица, мы ещё покумекаем*, – я с

намёком закивал, пытаясь разглядеть за засаленными патлами карие глаза Асты. Её бы помыть, да и самому не мешает ополоснуться после той жёлтой слизи, да одежда новая нужна. Много работы предстоит, но лучше так, чем стоять и загоняться вопросами о происходящем.

– Ёжик? – с толикой страха в голосе Аста опять показала на фотографию жмурика.

– *Ёжик, Ёжик. Потом объясню*, – я жестами показал, как тащу трупы и закапываю их. Потом потыкал на себя, мол, мне привычно мертвецов хоронить.

Аста в ответ руками показала качающееся дерево и летящую птицу, а потом спародировала, как звери трупы разрывают. Я от такого чуть не поперхнулся. И показал на женщину, умершую от побоев. Аста прокрутила круг и показала мне один и четыре пальца. Понятный намёк, пять тел вдвоём хоронить долго.

– *Отойди*, – я рукой отодвинул девку, намекая не мешаться под ногами. Та понятливо отпрянула в сторону, но продолжила с интересом наблюдать за моей работой у экранов.

Подобие системы наблюдения за периметром я нашёл быстро, но эта собака не хотела запускаться из-за ошибки. Что-то мешало развернуть центральный узел связи, вылезающий из земли эдаким шпилем по центру оплота. Запасные узлы, размещённые в станциях мониторинга воздуха, оказались недоступны, а резервные – отключены для экономии энергии. Врубить-то их можно, вот только до спутников на

орбите всё равно не добьют, максимум – дадут сигнал на ближайшие десятки километров. Но это не поможет связаться с другими оплотами и понять, что вообще происходит. Хотя астероиды в небе ставят существование спутников под вопрос: как бы их всех не перебило камнями.

Ещё меня интересовали беспилотники, дроны, коптеры и любые летающие дополнительные глаза – это главное на «вайне», после солдатни.

Дроны нашлись практически сразу, притом и боевые. За ними, правда, шуровать в другой блок, а вот обычная моделька лежала на недавно посещённом складе.

Асту оставлять в комнате я не собирался, да и она всё поняла, когда я отстранился от экранов и кивком показал на выход. Девка прошуршала обносками в коридор, и сквозь патлы с вопросом посмотрела на меня. Слово «вправо» и жест двух раскрытых дверей всё объяснили. Но впускать её на склад я всё равно не собирался. Простенькая команда «Арт», моргнувший экранчик на ошейнике, и я со спокойным сердцем зашёл на склад, затылком чувствуя обиженный взгляд Асты. Пусть обижается сколько влезет, потенциального врага оставлять без присмотра нельзя.

Я поплутал между стеллажами, прежде чем отыскал десяток пластиковых коробочек с ручкой. Я прихватил одну, а с соседнего стеллажа, взобравшись по лестнице практически под самый верх, забрал небольшой ящик с десятками продолговатых шестигранных трубок длиною в половину ладо-

ни и с небольшой резьбой. Всё это я с лёгкостью вынес в коридор, но со следующей находкой пришлось повозиться.

Платформа метр на полтора, на гусеницах. Весит, зараза, не меньше пятидесяти килограмм. И мне повезло, что десяток таких платформ стоит на полу и их гусеницы не заблокированы. Я кое-как вытолкал первую в коридор. Слабые руки дрожали от нагрузки. Надо будет форму себе вернуть, подкачаться и витаминчики пропить, если они найдутся на складах.

– Амта насара, даса, – довольно протянула Аста. Девка руками спародировала жируху, показала, как грузит её на платформу и выкатывает в лес, где бросает на съеденье зверью.

– *Губу закатай. На жируху надо две платформы. Пошли, поможешь*.

Вскоре мы притолкали обе платформы к лифту и вернулись в комнату с рабочей панелью. Аста жестами пыталась узнать, почему мы не воспользовались платформами сразу, чтобы перетащить трупы к лифту – но я не знал, как объяснить, что на складе хранятся незаряженные батарейки. В коптер влезает одна такая, а вот на каждую платформу их нужно десять.

– *Мы, чай барыня-сударыня, не окромясь на завалинке коровам-то хвосты крутим да под баринами спину гнём*, – я с издёвкой усмехнулся, потряся одной из батареек. – *Давно не девятнадцатый век… да и двадцать первый, кажется, давненько был… Но даже в век странных технологий и непо-*

нятных происшествий всякая приблуда без электричества не обходится.

Аста задумчиво скосила глаза на шестигранную батарейку, посмотрела в сторону лифта с платформами и понятливо приоткрыла ротик с пухлыми губами. Аста на своей тарабарщине что-то побалакала, показав двигающуюся платформу, тыкнула на батарейку и скрестила пальцы. Я аж зааплодировал, на что девка обиженно поджала губы.

– Дуската са, – бросила она мне и ушла к столу, где плюхнулась на стул и сложила руки на груди.

– *И тебе увидеть «Нижнюю подсветку»,* – я засмеялся, на что Аста оттопырила указательный палец и несколько раз погладила его подушечкой большого пальца. – *И что это значит?*

Девка на мой вопрос лишь ехидно улыбнулась и недоумённо развела руками. Или она меня понимает, или наши коммуникации вышли на новый уровень. Я даже не знаю, что из этого хуже.

Батарейки заряжались занятно: их следовало положить на один из боковых экранчиков, на котором сразу же появилось изображение молнии в крутящейся шестерёнке. На экранчик за раз влезало шесть батареек, их полная зарядка займёт полчаса, а в ящике их тридцать.

Я решил зарядить первую группу и сразу разведку провести, а с трупами и платформами уже после разбираться. А пока на экранчике крутилась шестерёнка – я настукивал по

сенсорной клавиатуре. Повторно читать о линготах и вникать в этот бред я не собирался: у меня и так «фляга свистит», ещё немного и окончательно «чердак затопит».

Если этот проект «Осирис» был создан специально, чтобы возродить человечество – то почему первый проснувшийся вообще ничего не знал? Хоть бы на стену табличку повесили со словами: *«Наш добрый друг, не переживай. Ты умер, но не умер. Прими этот факт и не свихнись. Кофеёк и пряники на столе прямо по коридору, подкрепись и беги возрождать человечество. Потому что его, как таракана, прихерачили астероиды. Ну или что-то прилетело из глубоких глубин космического космоса и анально покарало человеков»* . Ещё бы понять, что с природой случилось, но, подозреваю, подсказка содержится в астероидах, или новой структуре на Луне.

С десяток минут я переключался между различными вкладками, они калейдоскопом мельтешили на экране, даже Аста заинтересованно подошла поближе, сохраняя дистанцию в пять шагов. Ответа на свой вопрос я так и не нашёл. Зато отыскал подсказку в одной из инструкций для «Хранителя» и правилах встречи пробуждённых. Лично этого делать не стоило, как оказалось. В блоке «3-8.1-Д», на третьем этаже практически подо мной, в отдельной комнате стояли человекоподобные роботы, которые и должны приветствовать пробудившихся. В них уже заложена программа приветствия, надо только в одну клешню дать поднос со стаканчи-

ками воды, а в другую одну из подготовленных в той же комнате табличек.

На табличке несколько изображений: как лингот просыпается, одевается и идёт по коридору к лифтам, поднимается на третий этаж и его радостно встречают другие пробудившиеся. А пока идёт к лифту – лингот может посмотреть на плакаты на стенах коридора четвёртого этажа, на них ведь всякая важная информация. А вот только никаких плакатов там не было. В коридорах было тускло и практически темно, но я не удивлюсь, что все стены в отверстиях таких же, как и около закрытых дверей. И плевать, что пробудившегося человека в огромном зале с капсулами встретит какой-то робот, а не живой человек. Главная беда в том, что на табличке человек просыпается без трубок во рту и носу, а двойная клешня робота не предназначена их вытаскивать.

Больше всего прояснила другая инструкция. Если первым пробудится обычный лингот, то ему необходимо срочно пробудить специально подготовленного «Хранителя». Надо сперва убедиться, что капсулы с зелёными полосами на корпусе не повреждены, или отыскать такие целые в других залах. Их на каждый зал три, а залов шестнадцать. Надо активировать пробуждение «Хранителя» и во всём ему помогать.

– *Это хоть немного всё объясняет*, – я посмотрел на Асту. Та задумчиво заморгала, переведя взгляд с экрана на меня, и пожала плечами. Я же пальцем показал на экраны, потом на Асту, а потом показал далеко за пределы оплота. – *Вот ты*

смотришь за мной, наблюдаешь всякое. Ты думаешь, после такого я тебя куда-то отпущу?

Аста пожала плечами, явно ничего не поняв. У меня аж руки устали жестами объяснять простую мысль, что она проболтается обо всём первому встречному. Девка долго таращилась на меня, прежде чем натужно втянуть в себя воздух и испуганно потрясти перед собой раскрытыми ладонями. Аста махала руками, показывая то куда-то за оплот и тыкая в трупы, обводила стены комнаты и показывала на меня, указывала на свой рот и скрещивала пальцы. Последним она показала на себя и меня и пожала руки в дружеском жесте.

– *Ничего не понял, но я не дам тебе и шанса меня подставить*, – произнёс я холодной интонацией. Аста в ответ поёжилась. Я развёл руки, показывая, что ничего уже не изменить. Потому что, действительно, слишком глупо и по-идиотски отпускать девку в «свободное плаванье».

Я отвернулся к рабочей панели, чтобы разобраться с коптером. В чемоданчике, даже больше шкатулке, лежал блескучий металлический прямоугольник толщиной с три фаланги и длиною в полторы ладони, и полностью гладкий и без единого зазора, лишь в одном из торцов шестигранная щель по размеру батарейки. Чем бы оно ни было, но названо оно *«Всепогодный манёвренный индивидуально-отрядный четырёхроторный даскалическо-автоматический аппарат дополнительного воздушного преимущества ВБПА-47СМ-Д Малёк»*. У меня аж сердечно радостно ёкнуло от осознания,

какой именно сумеречный гений приложил руку к этой приблуде.

Ещё в чемоданчике лежал дополнительный экранчик-коммуникатор, тонкий и в ладонь размером. И больше ничего. Благо найденная в базе данных инструкция оказалась настолько простой, что не понять её мог только клинический идиот: только ему будет сложно воспринять простейшие картинки-схемы и видеоинструкции.

Я дождался зарядки шести батареек, заменил их новыми, взял одну готовую, «Малька» и Асту – и отправился в ангар. Опять по лестнице, потому что лифт я проверю позже: както не хочется в нём застрять.

С гидравлическим шипением открылась створка ангара, тёплый ветерок принёс запах земли. Я приложил батарейку к торцу коптера с шестигранной щелью. Она проскользнула внутрь, на ходу прокручиваясь и вставая в нужное положение. Внутри корпуса что-то пиликнуло. Прилагаемый к «Мальку» экран моргнул, известив о начале калибровки, а через две секунды появилась строчка о подготовке к работе.

Из гладких боков перпендикулярно корпусу высунулись четыре фрагмента, напоминающие леденец. Под их головкой пропеллеры, а откинувшиеся крышки встали сбоку пропеллеров на небольших сервоприводах, исполняя роль эдаких крыльев. Из переднего торца корпуса вылезла голова с пятёркой различных камер на настолько гибкой ножке, что та даже полностью поворачивалась назад. На всём корпусе от-

крылись сорок восемь крохотных камер: одни направлены вбок или вверх, другие, чуть отогнувшись, смотрели по диагонали, а третьи рассматривали всё позади и впереди коптера.

Я аккуратно потряс коптер. На третье движение пропеллеры зажужжали радостной пчелой, «Малёк» оторвался от моей ладони и завис в воздухе. Аста показала на коптер, махнула куда-то за туннель, потом спародировала жируху и потыкала в потолок. Я долго думал, осмысляя жесты Асты, прежде чем настороженно показал пальцами лесенку, спародировал жируху и показал на первую ступеньку, потом показал на последнюю ступеньку и на коптер. Аста закивала.

– *Ситуация*, – я недовольно цокнул языком. Если коптеры доступны кому-то поважнее той жирухи, то как бы не оказалось, что я пристрелил людей из другого оплота. Хотя странно, что они своровали вообще всё, что только смогли, а не пробудили людей в капсулах.

Я приложил торцами терминал «Хранителя» и экранчик от коптера. Терминал предложил два варианта синхронизации: главное отображение через терминал и управление через экранчик, или всё через терминал «Хранителя». Меня устраивал первый вариант. Коптер остался висеть напротив открытой створки ангара, а я положил терминал на багажник седана. Так проще смотреть в него, и руки не нагружать. Аста какое-то время крутилась рядом с коптером, понятливо кивая, но потом подошла ко мне.

На нижних углах экрана-коммуникатора – цифровые джойстики, можно пальцами управлять коптером, а можно и командами. На экране вид с камер коптера: за ангаром тянется тускло освещённый бетонный туннель, оканчиваясь земляным выходом. Я ткнул в центр экрана, и открытая створка, туннель и выход поочерёдно подсветились зелёным, их уменьшенные изображения появились в круговой менюшке. Затем нажал на земляной выход, и вокруг него появилась своя круговая менюшка: одна стрелочка остановилась в пяти метрах от горизонтальной черты, другая за ней, а на других иконках после черты линия мельтешила зигзагом, отходила расширяющейся волной или кружилась спиралью.

С резвым жужжанием коптер умчался в туннель. Меня передёрнуло, я невольно приподнял голову – но вместо охотившегося на меня дрона увидел серый потолок ангара. Я чуть не сплюнул. Вот чего-чего, а после войны так и не смог избавиться от рефлекса выискивать рядом эту жужжащую смерть.

– *Такую бы игрушку нам, туда, «вайну ваивать»*, – вырвалось у меня, когда коптер за несколько секунд пролетел весь бетонный туннель, а теперь глазастым пауком рассматривал качающуюся листву фиолетовых и синих деревьев в лесу и высокую траву рядом с выходом. У россыпи оранжевых цветов шлёпали десятилапые суслики и порхали бабочки с пятёркой пар тонких стрекозиных крыльев. Всё это больше походило не на реальность, а на какой-то мультик. Младший

сын у меня любит их смотреть, с яркими цветами и сочной картинкой, и я с ним несколько посмотрел – но, боюсь, всё вокруг меня более чем реально.

Я командой отвёл коптер чуть подальше от выхода из туннеля. И коснулся экрана терминала «Хранителя». Появилась менюшка выбора: смотреть через главную камеру; показать модель пространства, где пролетел коптер, со всеми показаниями высот, ухабами и прочим; или переключиться на сферический обзор благодаря сорока восьми мелким камерам. Это я и сделал, и развернул изображение в сторону туннеля. Оказалось, что оплот спрятан под огромным холмом, больше горушкой, поросшей густым лесом из деревьев со стволами в два обхвата рук и едко-салатовой листвой на густых кронах.

– Уртас, уртас, – испуганно пропищала Аста, тыкая пальцем в экран терминала.

– *Совсем отбитая?*

– Даскат усур-ла нэр! Даскат, даскат! – прокричала Аста, показывая на лес и с призывом смотря на меня.

– *Лететь сюда?* – я помахал ладонью в сторону терминала, как птичкой.

– Ямн, ямн, – Аста закивала и вновь показала на лес.

Мне поведение девки не понравилось. Я с предчувствием нехорошего переключился на главную камеру и давно забытыми, но такими привычными движениями пальцев взял управление дроном. Он чутко отзывался на каждое нажатие

по сенсорным джойстикам, рыбой в кушерях огибая массивные деревья.

На земле тёмно-синий мох покачивал тонкими веточками-жгутиками, а густые заросли кустарников с листвой кирпичного цвета иногда стеной загораживали десятки метров между деревьями. А по широким веткам перескакивали обезьяны с синей шерстью и подобием собачьей пасти на вытянутой морде. Одни сидели в густых кронах и лакомились красными плодами, гроздями свисавшими с ветвей, а другие настороженно смотрели за полётом коптера. Вскоре он приблизился к розоватым кристаллическим столбикам правильной шестиугольной формы. Они пиками росли недалеко от центра леса и высоким забором что-то окружали.

– Арт, арт, арт, – трусливо запричитала Аста, потянув меня за рукав.

Я одёрнул девку и поднял коптер. За десятком метров глухого кристаллического забора, под ярко-салатовой кроной, свернувшись калачиком посапывало нечто длиной с два вагона поезда и высотой в четыре, с металлическим отблеском на красной шерсти, шестью когтистыми лапами, вытянутой клыкастой медвежьей мордой и мерцающими синими точками на ней.

– Арт, Ёжик! Арт! – испуганно орала Аста, остервенело дёргая меня за рукав.

Я в верхнем правом углу экрана-коммуникатора нажал на менюшку с основными командами. Высветился список кно-

пок, одна из них с изображением дома. На экране отобразился схематичный маршрут, который пролетел коптер. Я нажал на точку у выхода из туннеля, и коптер полетел назад, полностью повторяя весь путь.

– Это что за херня? – я показал Асте на постепенно удалявшиеся кристаллы на экране.

– Уртас! – выпалила Аста. Девка развела руки в стороны, намекая на огромные размеры медведя, и резко махнула одной рукой, показывая, как что-то крушит и это что-то разлетается мелкими ошмётками. Аста звонко похлопала по багажнику седана, вновь махнула рукой, и седан полетел в небо. Я недоверчиво прищурился, на что Аста усмехнулась и с явным намёком показала на тягач с прицепом.

Я показал на пистолет и танковую башню на прицепе и сделал вид, что стреляю из пистолета, автомата, сбрасываю с неба бомбы. После этого я показал в сторону Асты, предлагая ей рассказать план борьбы с медведем. Аста покачала головой. Она выставила кулак, изобразив им медведя, и начала подводить к нему другой кулак, который машины. Машины заметили медведя и объехали того по очень широкому кругу. А потом девка показала на пистолет, на танковое дуло, и скрестила указательные пальцы.

– *Ситуация*, – я задумчиво почесал подбородок. И тут же обрадовался одной гениальной идейке.

Я кое-как жестами объяснил Асте, что можно этого уртаса трупами выманить на недружелюбных гостей. Аста так силь-

но замотала головой, что умудрилась растрепать засаленные чёрные патлы, позволив на секунду рассмотреть плавные черты её лица. Аста показала, как спит, потом ткнула на рисунок шара с солнцем и полумесяцем и начала загибать и разгибать сразу все пальцы на руках, быстро и несколько раз, пока не махнула надоедливо.

– *То есть он спит очень долго и не опасен, пока спит, да?* – спросил я, сопровождая слова жестами. Аста в ответ закивала. Дальше она показала, как просыпается и начинает что-то крушить. И жрать. Жрать и жрать. И так десятки дней подряд.

– *И чё он жрёт?*

– Тусу, – могильной интонацией произнесла Аста, показав себе на грудь.

– *Ситуация*, – я удручённо цокнул. Отличный план только что был пристрелен, чтобы не мучился.

На экране терминала «Хранителя» цветастый лес и колея от колёс в высокой траве. Я решил отправить «Малька» на разведку ближайших мест, чтобы придумать новый план. У коптера есть функция, позволяющая летать кругами от заданной точки, постепенно расширяя радиус осмотра. И только я потянулся к управлению, как по траве пронеслась вытянутая тень. Я едва успел среагировать, быстрыми движениями пальцев опустив коптер и цапнув корпусом землю.

Где секунду назад висел коптер – со свистом пронеслась огромная синяя птица с крючковатым клювом, ярко-крас-

ным хохолком и вытянутым туловищем с двумя парами массивных крыльев. Птица по широкой дуге начала заворачивать на второй заход. Я покликал на экране коммуникатора возврат на точку запуска. Коптер, визжа пропеллерами, помчался по тёмному туннелю. И завис внутри ангара ровно в тот момент, когда на земляной вход туннеля приземлилась четырёхкрылая синяя птица. Она моргнула ярко-зелёными глазами, широко распахнула клюв. И закричала голодным крокодилом.

– *Сука пернатая*, – я бросился к терминалу «Хранителя», нажав кнопку закрытия створки ангара. Сквозь шипение и лязг приводов прорвались приближавшиеся хлопки крыльев.

– *Прячься*, – я едва успел показать Асте на днище седана. В ангар влетела птица размером больше машины. Она взмыла под потолок, прочертила резкий круг. И бросилась вниз. Я едва успел прыгнуть на пол. Птица щёлкнула острым клювом рядом с моей головой, уткнулась им в пол и выбила добрый кусок бетона. И тут же поднялась в воздух для нового удара.

Я в это время лежал около трупов у днища седана и смотрел в испуганное лицо Асты. Она тяжело дышала, но сохраняла самообладание и отчаянно пыталась сообразить хоть какой-то план. Но я придумал его быстрее.

– *Пулемёт или танк*! – я показал Асте, как стреляю, и махнул в сторону крайнего седана с установленным пулемётом. – *Я отвлеку, а ты используй их*, – я сопровождал сло-

ва неуклюжими жестами. Аста поняла меня и замотала головой, тяжело задышала и попыталась что-то показать – но я отогнул три пальца. И начал их загибать. – *На счёт три. Раз. Два. Давай.*

Я отбежал от машины, махая руками и привлекая к себе птицу. Аста в это время бросилась к тягачу. И дальше, к седану. Птица заметила Асту, но я вскинул пистолет. Дуло вспыхнуло. Пули звякнули о синие перья и раскрошились на мелкие кусочки.

– *Это я зря*, – я едва успел выпалить, когда птица пригнула крылья и спикировала ко мне.

Повезло, что от седана я отбежал недалеко и успел нырнуть под его днище. Там на меня смотрели остекленевшие глаза коренастой женщины. Намотанная вокруг её головы тряпица увлажнилась, под ней на полу красная лужица. Я пожелал коренастой приятных снов и вынырнул с противоположной стороны седана. Птица как раз заворачивала под высоченным потолком.

Ударами кувалды о жесть заплевал пулемёт. Массивные пули разбивались шрапнелью осколков о синие перья. Птица забыла обо мне и устремилась к седану. Она когтистыми лапами вцепилась в бок машины. Прорезаемый когтями металл натужно скрипнул, машина покачнулась, от веса птицы подвеска продавилась до самого пола, днище с лязгом царапнуло бетон. Крючковатым клювом птица играючи вырвала лафет с пулемётом и разразилась клокочущим воем. Синие

перья блеснули, птица расправила крылья перед взлётом. Но я успел прибежать вовремя. Смысла стрелять ей в перья нет, ими покрыто всё тело, кроме глаз и клюва, ступней и маленькой части голени. И клоаки.

Я с разбега подпрыгнул и ухватился за часть голени без перьев, не помещавшуюся в мою ладонь даже наполовину. И на рывке вставил этой курице-переростку пистолет в жопу. Пистолет гаркнул выстрелом, ещё, и ещё, опустошая магазин.

Птица с воплем дёрнула ногами и хлопнула крыльями. Меня отбросило, я выпустил пистолет из рук и спиной ударился об пол. Ошпаренной свиньёй птица кричала, поднимаясь к потолку, пока с глухим стуком не ударилась об него. Из синей жопы выпал пистолет. Его затворная рама в заднем положении, магазин пуст, автоматика не дала ей закрыться. Но пистолет ударился об пол боковой стороной как раз на рычаг затвора, и рама с щелчком встала на место.

Пистолет упал далековато, но он уже не нужен. Больше десяти мощных патронов в тушу. Притом я стрелял к сердцу.

Тварь с хлёстким хрустом рухнула на пол. Она брыкалась и кричала, кувыркалась на месте и с металлическим скрежетом царапала перьями бетон, высекая серую пыль. Но с каждым хлопком крыльев её движения угасали.

Я расслабился, затылком ощутив прохладный пол. Истошные крики птицы казались самой лучшей колыбельной. За последние несколько часов на меня свалилось столько,

сколько я испытывал только на «вайне» в самые «жаркие» часы. А ещё чертовски хотелось спать.

Хлопнула дверь седана. Аста через капот посмотрела на меня, потом заметила пистолет на полу. И бросилась к нему, не обращая внимания на трепыхавшуюся птицу.

– Хальяка, – Аста подошла ко мне, крепко сжимая рукоять пистолета, и показала, как выкидывает пластиковый обруч с шеи.

– *Неа*, – я покачал головой, не отрываясь от пола. Аста нависала надо мной, её засаленные чёрные волосы ритмично покачивались от быстрого дыхания. Трепыхалась мешковатая куртка, я случайно заглянул под неё. О таком понятии, как лифчик, Аста не знала.

– Хальяка, – девка опять показала на пластиковый обруч, а затем прицелилась мне в голову, сглотнула подступивший к горлу ком. И положила палец на спусковой крючок.

– Хальяка, настара-са, – с мольбой произнесла девка, поджав пухлые губки. Я глубоко вздохнул и покачал головой. Аста свободной рукой показала в сторону туннеля, как водит машину, и тыльной стороной пальцев постучала по трахее. А после показала на меня и себе на грудь. – Зануя-су, нала яста ганаста. Хальяка, настара-са, – Аста вновь показала на себя и меня. – Ганаста.

– *Ты уж извини*, – я показал на девку, постучал себя по голове и похлопал по груди в области сердца, – *но я тебе не доверяю.*

Девка задрожала всем телом, тяжело вздохнула. И опустила пистолет. Аста угрюмо бросила его мне и, прошаркав несколько шагов, присела на задницу. И только и смогла, что с какой-то раболепной грустью смотреть на издыхающую птицу. Смотреть и обиженно вздыхать.

– *Ничего страшного, походишь так*, – я похлопал рукой по полу, привлекая внимание Асты. Я показал на обруч и свою шею. – *Помнишь, что хотела его на меня нацепить?*

Аста вместо ответа лишь пожала плечами. А чего ей ответить? Если она всё правильно поняла, то сама осознаёт, что после всего случившегося с неё вряд ли снимут ошейник. А если не поняла, то и тем более не ответит.

Пока мы выясняли отношения – птица уже перестала барахтаться и лишь протяжно, со свистом дышала через раскрытый клюв. Из него на пол стекала тонкая алая струйка.

– *Слушай, Аста. А эту тварь вообще едят?* – я показал, как ем, и кивнул на птицу. Аста аж обомлела, явно думая, что мне мозги отбило ударом.

– *Но вот не надо этого. Я ведь по серьёзке спрашиваю. Эту тварь едят: да или нет?* – я повторил жесты. Аста долгие секунды думала над ответом, прежде чем кивнула. И погладила живот. – *Отлично*, – я радостно хлопнул в ладоши. – *После всего случившегося я просто обязан трахнуть и сожрать эту тварь. Как видишь, жопу ей я уже порвал.*

Глава 4

Блескучий металлом коптер вернулся в место запуска и жужжал в воздухе. Птица его не задела, к счастью: за пределами оплота происходит какой-то трешак, а запас таких игрушек ограничен. Лучше повременить с его отправкой на самостоятельную разведку.

Я тремя лёгкими взмахами сложил коптер обратно в прямоугольник. И мы с Астой занялись трупами баб, на куске брезента волоча их из комнаты с терминалом к лифтам. С четвёртой бабой и умершей от побоев женщиной всё прошло гладко, а с жирухой мы настрадались. Откормленная сука весила добрых полтора центнера, мы с Астой едва тащили ту по коридорам. А у лифта я вообще чуть не упал, слабые руки подрагивали, а ноги так и вовсе ходили ходуном. Нет, мне, конечно, нравятся чуть пышные дамы, когда есть за что подержаться – но насколько же себя надо не любить, чтобы в натуральную величину пародировать колобка?

Я вызвал лифт и от негодования пнул жируху в бок, её туша колыхнулась студнем. Аста даже не вспотела, а от вида пота на моём лбу и тяжёлого дыхания принялась что-то балакать и сочувственно гладить меня по плечу. Мне захотелось послать её в турне по известным эротическим местам – но приехал лифт. Он с услужливым дилиньканьем раскрыл двери. Большой, грузовой, в него вместились все три туши

и обе платформы. И Аста.

Остановленная приказом «Арт» Аста с мольбой смотрела на меня и жестами просила не считать её подопытной зверюшкой. Но я лишь сочувственно погладил её по плечу, вышел и через планшет «Хранителя» нажал на первый этаж. Аста что-то прошипела. Двери лифта закрылись, он поехал вверх. Но вскоре резко остановился. Раздался вопль заживо раздираемой свиньи, Аста с мольбой звала меня и что-то истошно кричала. Я в этот момент неспешно поднимался по лестнице, на экране терминала моргала строчка, что лифт принудительно остановлен.

Асту всю аж трясло, когда двери лифта открылись на первом этаже. Она хватала себя за промежность, шипела на меня и явно грязно ругалась.

– *У тебя очень милый голос. Особенно когда ты пищишь*, – я состроил лицо, будто ору, мило улыбнулся и показал на Асту. Она аж опешила и только могла недоумённо моргать. А потом о чём-то задумалась, смотря то на мою промежность, то на лицо. Аста что-то прикинула в уме, сама с собой согласилась и возмущаться прекратила.

Мы вытащили трупы к крайней створке ангара, включая тела долговязой и коренастой. Теперь оставалось сходить за батарейками и запитать платформы да избавиться от тел. И найти на складе всё необходимое для трапезы. Я жестами уточнил у Асты, умеет ли она разделывать синюю птицу. Та покачала головой, но видела подобное. И добавила, что есть

можно мышцы на груди и животе.

Я решил начать со склада и птицы. На складе, помимо портативной плиты с шестигранной ячейкой под батарейку и всего остального, нашлись также приправы и даже сухое сливочное масло в плотном тубусе: мелкий жёлтый порошок по инструкции нужно разбодяжить водой. Но, разделывая птицу, я случайно задел перья ножом и выбил сноп искр. А потом и вовсе коснулся подушечкой пальца.

– *Ахренительная херня*, – я облизнул кровоточащий палец. Порез неглубокий, быстро заживёт, но как же эта птица летает и потомство стругает с такими-то перьями?

– Ёжик, дунь, – позвала Аста. Я не совсем понял, куда мне надо дуть. Аста показала на рисунок машинным маслом с луной и солнцем.

– *День?* – девка в ответ быстро закивала. – *Они острые первый день, потом простые?* – я подкрепил свои слова жестами.

– Ямн, ямн. День, – девка довольно показала один палец. И жестами попросила кое-что взять из прицепа тягача. Мелкую сетку из зеленоватой проволоки, тонкой и очень прочной.

– Сулу са. Зарас су. Астим да, – Аста показала, как сорванные перья укладывает на сетку и поливает водой. И с алчным блеском в глазах погладила подушечку указательного пальца подушечкой большого.

– *Нужны?* – я показал на птицу. Аста закивала. – *Сама*

будешь их срывать.

Птицу разделывать оказалось достаточно просто. У неё под клювом вместо перьев синеватый пушок. Там кожа спокойно разрезалась, а дальше руками отделять кожу с перьями от мяса. На вид и запах – обычное красноватое птичье мясо. На войне мы как-то заняли одно бабкосело, жителей эвакуировали, они забрали что смогли, но петухи и курицы остались бродить по околицам. Бродили недолго, из них получился отличный куриный супчик.

По настоянию Асты я отрезал крупный кусок из нижней пары грудных мышц, отвечавших за взмахи второй парой крыльев. На вопрос, почему именно их, Аста обвела пальцем контур птицы, похлопала себя по груди и закивала. Я ничего не понял, но, главное, что эта тварь съедобна.

Закончив с птицей, я зарядил платформы батарейками и разобрался с управлением. У них есть свои камеры в корпусе, но лучше пускать их по уже изученной земле – тогда автоматика сама построит нужный маршрут, а мне останется только выбрать действия в нужных точках. Я поднял в воздух коптер, он с задорным жужжанием пролетел над накатанной колеёй в лес. Там ползали тёмно-оранжевые тараканы размером с ладонь, голодной стайкой обгладывая оранжевые кусты. На тараканов сквозь хищный прищур смотрели птицы размером с голубя и со светло-фиолетовыми перьями с тремя скрюченными когтями на концах крыльев. Птицы пикировали на тараканов и с добычей взмывали обратно на вет-

ки. Где, придерживая таракана одной лапой, крючковатыми когтями срывали слои толстого хитинового панциря.

– *Если это всё не гадкий сон, то я не понимаю, что вообще происходит*, – случайно прошептал я вслух, глядя на птиц с тараканами.

– Ёжик, арт, – Аста показала на экран терминала.

Поодаль от колеи, у волнистых стволов, участок продавленной земли с островками голубоватого мха. Аста показала на трупы и на продавленную землю. Я всё понял и ткнул на экран, на изображение продавленной земли. На объёмной панорамной карте построился маршрут с менюшкой выбора, что делать в конечной точке. Мне понравился значок с откинутой верхней частью платформы.

Немного поигравшись с управлением, я настроил движение платформ группой с разницей в двадцать метров, с поочерёдной выгрузкой трупов и возвращением на точку отправки. И сделал это в десяток кликов, без лишних усилий и нервотрёпки. И такая бы игрушка на войне очень бы пригодилась: загрузил, указал конечную точку, а дальше платформа сама доедет куда надо, сделает что надо и вернётся. Да, были бы у нас тогда эти платформы и такие умные коптеры, то война прошла бы гораздо быстрее и веселее.

– *Ладно, давай вытаскивать их*, – я запрограммировал коптер на круговую разведку местности вокруг холма и показал Асте на трупы. Та понимающе кивнула и принялась стягивать штаны с долговязой.

– *Тебе, что, своих не хватает?* – я усмехнулся. Аста в ответ устало посмотрела на меня сквозь засаленные патлы. Она несколько секунд осматривала меня с ног до головы, явно пытаясь что-то понять, но удручённо махнула рукой.

Аста быстрыми жестами объяснила, что трупы в одежде зверьё сожрёт не сразу, а будет толпиться рядом и грызться между собой. А на грызню прилетят синие птицы.

– *Ну так это же хорошо!* – я хлопнул в ладоши, ведь птицы помогут разобраться со скорыми гостями. А то из одного седана вытекло масло, и хрен знает, как его чинить, другой вообще в хлам после синей птицы. Остался один тягач, и пистолет у меня, а до оружейной комнаты ещё добраться надо.

Аста раздосадованно показала на птицу, погладив подушечку безымянного пальца подушечкой большого. На мой вопросительный прищур девка показала, как берёт у меня терминал «Хранителя» и даёт какие-то кругляшки и прямоугольники. Потом она отдала мне терминал и забрала кругляшки с прямоугольниками. И каждый раз поглаживала безымянный палец.

– *Это, типа, деньги?* – на мой вопрос Аста закивала, показав на птицу, на свои мешковатые обноски, машины, принесённую со склада чугунную сковородку. И погладила безымянный палец. – *Гости заметят много синих птиц, решат на них охотиться, и гостей станет больше. А там они уртаса разбудят.*

Свои слова я подкреплял жестами. Уже на дополнитель-

ных гостях Аста кивала с довольной улыбкой, а при упоминании уртаса удивлённо причмокнула пухлыми губами. Она задумчиво-картинно приподняла взгляд, подумала, показала на меня и легонько захлопала в ладоши.

– *Сама тупая*, – я отмахнулся и стянул куртку с трупа долговязой бабы. Запах от неё шёл немытого тела, а одежда изнутри аж лоснилась от кожного жира. А ещё долговязая также не носила лифчик, а трусы её больше походили на мужские боксеры.

Полностью раздев долговязую и сбросив её грязные вещи в кучу, мы заволокли тушу на первую платформу и принялись за коренастую. И стоило стянуть с неё верхнюю одежду, как Аста с шипением отскочила в сторону.

– Наясарата, – Аста пнула труп коренастой. У неё грудь вполне обычная, в половину раскрытой ладони и упругая, с чуть оттопыренными коричневатыми сосками на загорелой коже. Но это первая пара грудей. Вторая ниже и поменьше, а третья пара чуть выше пупка. Аста что-то гневно выпалила, плюнула в труп и быстрыми жестами попыталась мне что-то объяснить. Я ничего не понял, но насторожился, когда Аста обвела пальцами стенки ангара, пнула труп и показала куда-то за пределы оплота.

Вскоре платформы вывезли трупы. С погибшей от побоев женщиной Аста попрощалась, приложив ладонь к покрытой синяками груди, а с жирухой мы намучились, с трудом поднимая заплывшие жиром конечности и выталкивая их из

одежды. А ещё Аста отложила в сторону оранжевый жилет. На мой вопросительный взгляд та сначала уставилась на меня как пенёк, удручённо сжала губы и жестами показала, как стреляет от груди сгустком. И настойчиво ткнула в жилетку.

– *То есть без этой фигни сгусток не пустить?* – жестами спросил я. Аста в ответ показала, что можно, но сгусток получится очень маленьким. На мой следующий вопрос девка долго рыскала взглядом по ангару, пока не нашла на полу отколотый кусок бетона, размером с ноготь мизинца. Аста положила его на ладонь, напряглась, задрожала, её ладонь окуталась неявным синеватым свечением. Серый бетонный кусочек заколыхался и поднялся над кожей на сантиметр.

Аста протяжно вздохнула и согнулась пополам, свечение прекратилось, кусок бетона с жалобным стуком упал на пол. Аста дрожащей от слабости рукой утёрла проступивший пот на лбу и едва не упала, но я вовремя схватил её за плечи.

– Зьяста, – с усталым придыханием Аста упёрлась руками в бёдра. С кончика её носа на пол упала крохотная красная капелька. Аста показала мне рукой, что всё в порядке, и некоторое время стояла, зажимая нос. Её чуть смуглая кожа побледнела, будто обескровленная.

Я с вопросом показал на оранжевый жилет и на камушек. Аста подрагивающей рукой показала на лежащий вдалеке ножик, которым я разделывал птицу, подняла руку и, присвистнув, быстро махнула ей.

– *Ситуация*, – я уже ничего не понимаю в происходящем.

Вот так с помощью жилета запустить ножик? – *Ладно, разберёмся потом. Пошли, загрузим жируху. Ты отдохнёшь, а я поработаю*, – я сопровождал свои слова жестами. Аста кивнула.

Вскоре две платформы выкатились из ангара, отвозя труп жирухи на корм зверью, а Аста присела недалеко от плиты с кастрюлей. Мелконарезанное мясо томилось на медленном огне, а плотная крышка игриво подрагивала от выбивающегося наружу пара. Аста принюхалась к запаху и жадно причмокнула губами, но долго сидеть на одном месте не смогла. Девка отпросилась залезть в тягач, чтобы у плиты вскоре появились две стопки плоских подушек. Аста примостилась на свою стопку и чуть поёрзала, устраиваясь поудобней – и с намёком покосилась на дребезжавшую крышку. Но у меня ещё остались дела.

Я отозвал коптер. За прошедшее время он, летая примерно на высоте в триста метров, осмотрел радиус в пять километров от туннеля, и чем ближе пролетал над розовыми кристаллами, тем хуже становился сигнал. Странно, ведь в самом лесу сигнал не пропадал. Я кое-как жестами объяснил Асте случившееся. Она понимающе закивала: от логова уртаса воронкой отходит вверх что-то глушащее сигнал. Проснувшийся уртас много горя принесёт, но я должен его разбудить, а дальше убить или прогнать. Затем спилить розовые кристаллы. И связаться с другими оплотами, если они всё ещё существуют.

Живот Асты громко заурчал, та причмокнула губами и смущённо потупила взгляд. Но и мясо уже было готово. Жменя порошкового масла с приятным шкворчанием растворилась в сковородке, наполнив воздух сливочными ароматами. А дальше приправы и главный ингредиент. В герметично закрытом чёрном тубусе со склада лежит дюжина вспученных упаковок из-за специального газа с лёгким апельсиновым ароматом, из-за него продукты могут храниться тысячелетиями. Именно в этом тубусе есть всё для нажористой гречневой каши. Добрые жмени сушёной моркови, лука и гречки плюхнулись в глубокую сковородку к вываренному мясу и сливочному маслу. Сидевшая напротив Аста подалась поближе и как можно глубже дышала, жадно раздувая ноздри.

Когда всё было готово и я открыл крышку, выпустив густое облачко пара, Аста тут же протянула мне две тарелки с ложками – но после боя никто тарелки не готовит. Найти бы большую бадью и на весь отряд наготовить чего-нибудь нажористого в ней, а потом рассесться вокруг и работать ложками. Стук по кастрюле и жадное причмокивание для меня – лучшая музыка. Если она звучит, значит – отряд вернулся из боя.

– *Убери тарелки. Мы с тобой заслужили этот ужин.*

Я показал Асте на дохлую птицу и со сковородки зачерпнул немного каши с кусочком разваренного тёмно-красного мяса. Аста понятливо отложила тарелки и сама придвину-

лась к сковородке.

– *Ну и дерьмо*, – я едва не выплюнул порцию. Сама гречка и овощи, и даже масло и приправы – всё это будто только сегодня куплено в магазине. Но мясо жёсткое, резиновое, и со странным горьковатым привкусом хрена. Настоящая дичь. Не в том плане, что мясо как с дикой утки, а просто дичь.

Я продолжил зачерпывать кашу. Приправы скрашивали неприятный вкус мяса, но Аста аж мычала от удовольствия, отправляя в рот ложку за ложкой. Она облизывала пухленькие губы и постоянно что-то говорила, трясла ложкой в мою сторону и целовала подушечку указательного пальца. И с невнятной задумчивостью сквозь длинные засаленные патлы смотрела на моё лицо и пах.

– Наска, Ёжик. Наска, – Аста погладила себя по животу.

– *Ну вот и хорошо, если вкусно*, – я по-доброму улыбнулся Асте и продолжил работать челюстями. И, только съев половину сковородки, понял всю глубину ситуации: Аста-то местная, а вот со мной непонятки. Но, в худшем случае, я от этого мяса всего лишь ещё раз умру. Мне уж точно не в новинку.

После ужина, выходя из ангара, я почувствовал странное жжение в районе груди. Неявное, не беспокоящее, но оно было.

На складе я нашёл всё для личной гигиены, затем отыскал нам жилые комнаты. Просторные, обшитые пластиковыми панелями с вертикальной подсветкой и парочкой искус-

ственных зелёных растений в узорчатых горшках, с широкой двухспальной кроватью, шкафчиком и прочим комфортом. И отдельной ванной комнатой. Горячая вода из кранов приятно обжигала пальцы. Я жестами попытался узнать, умеет ли Аста пользоваться туалетом и душем, на что удостоился красноречивого презрительного фырканья.

– *Вода есть. Воздух работает*, – я показал на воздуховодные щели на пластиковых стенах около потолка и пола. – *Не буянь. Завтра утром приду за тобой. Спокойной ночи*, – подкрепив слова жестом, как укладываюсь спать, я помахал Асте рукой.

– Ёжик? Арт, – Аста шагнула ко мне. Она растерянно хлопала глазами и дрожащей рукой показывала то в сторону ангара, то на меня и себя, то на кровать. – Наска… Тусу, аят минас?

– *Это хорошо, что тебе понравилось*, – я постучал ладонью по груди, пытаясь унять жжение. – *Но поспим мы в разных комнатах.*

– Минас наклана? Сита уйнат но ланьяк, – Аста очень быстро показала опять в сторону ангара и похлопала себя ладонями по нижней части живота.

– *Туалет ты видела. Если что-то случится, то громко стучи*, – я показал на дверь и как бью кулаком. – *Я в комнате напротив, услышу.*

– Ёжик, арт. Тусу минас уйнат… – взволнованно щебетала Аста, но я слушать её не собирался. Я вышел в коридор.

Раздвижная дверь в комнату Асты с едва уловимым шипением закрылась, оставляя дрожащую девушку одну. Но странно бояться темноты, когда в комнате есть регулировка света.

Ещё во время ужина в ангаре я спросил о счёте времени. И не удивился, что у них двадцатичетырёхчасовой день из шестидесяти минут каждый час. Заодно Аста показала внутреннюю панель раскуроченного седана. Даже с заглушённым двигателем раз в минуту моргала строчка циферблата часов. Цифры во всех трёх машинах совпадали, а время в терминале «Хранителя» торопилось на пятнадцать минут. Я пока что решил ничего не менять, а Асту спрятал в комнату специально, чтобы выкроить несколько часов на размышления. Потому что даже на «вайне» надо думать, анализировать, пытаться в новую тактику, и всякое умное читать. Надо развиваться, иначе тебя убьют.

Ещё в ангаре я выпытал об убитой жирухе и прочих, мол, откуда они и как далеко им до оплота ехать. Оказалось, что их база в трёх часах езды. Это хоть и близко, но раций или чего похожего я у баб не нашёл, да и на вопросе о связи Аста замотала головой и намекнула на уртаса. Аста кое-как объяснила, что связь работает только до леса с фиолетовыми листьями, и даже на высоте каким-то образом глушатся все сигналы. И я мог бы этому не верить, но за последнее время я и так видел слишком много нелогичного.

Всё записанное коптером, пока он летал, передалось на рабочую панель и автоматически обработалось в карту бли-

жайших пяти километров с перепадами высот и отличной картинкой. Всё за этим радиусом отображено с погрешностями, но даже так показано, что петляющая вдалеке река от оплота в пятнадцати километрах, и ниже его на метров сто пятьдесят, а сам оплот на возвышенности.

Я потянулся к рабочей панели, но остановился и тяжело сглотнул. Жар в груди усилился, переходя ниже, к животу. Чувствовалась слабость, но я встряхнул головой. Мне нужна защита.

До окончательного утверждения проекта «Осирис», в первой версии оплотов думали разместить в земле сотню шахт для турелей с пулемётами, ракетами и какими-то энергетическими установками широкого спектра. Но от этого всего отказались из-за риска непроизвольной детонации во время ожидания, да и энергетическое оружие жрёт энергию оплота, уменьшая запасы. Вместо этого увеличили размеры ангаров и добавили в них машин, включая несколько танков и прочего. Но этот ангар пуст, а другие туннели засыпаны землёй. Их можно расчистить, для этого есть автоматическая программа. Но это долгие дни работы гусеничных платформ с манипуляторами. Сейчас это бесполезно.

Зато я нашёл инструкцию по установке пулемётов и прочего на платформы, превращая их в подвижные турели. Теперь оставалось разобраться с оружейными комнатами, но я отстранился от рабочей панели. Странный жар переместился в живот и постепенно растекался по всему телу. Руки по-

драгивали, ладони вспотели, а мысли путались. Всё, что я читал на экране, путалось в складках мозгов. Из-за жара хотелось спать, и я решил не отказывать себе в этом. Тем более что те три ящика, открывающие ангар, мы с Астой затащили внутрь и растащили в разные стороны. На всякий случай.

***

Я вырубился сразу, едва коснувшись подушки. А проснулся, тяжело дыша, подрагивая всем телом и ничего не соображая. Меня теребило волнение из-за недавней встречи со строительной фирмой. Всё прошло гладко, но я всё равно волновался. Да и жены в постели нет, опять, наверное, поласкает из-за беременности.

Я крепко зажмурился, пытаясь отогнать жар из-за волнений, но не получилось. Я решил пройти на кухню – в холодильнике всегда стоит бутылка холодной воды. Я аккуратно опустил ногу с кровати и стал шарить рукой в темноте около тумбы. Я же на ночь снимаю протез, ставлю его чуть поодаль у тумбы, а трость для ходьбы по дому ставлю ближе, с ней проще доковылять до туалета, чем протез цеплять. Но всё это пропало. Опять младший сын проказничает. И как он только умудрился ночью пробраться к нам в спальню? Ведь знает же, что у меня нога не отрастёт, если забрать трость с протезом, а всё равно постоянно утаскивает к себе в комнату. Хочется ему, чтобы я с ним в догонялки и в футбол играл, да вот с протезом мне делать этого очень неудобно.

Я удручённо покачал головой, представляя, как опять бу-

ду сыну выговаривать за завтраком. И привычно ощупал культю. Она должна была начаться посередине голени, но я всё ощупывал и ощупывал голень. Пока не наткнулся на ступню.

Сознание вспыхнуло десятками воспоминаний: капсулы, кровавое пятно на стене, бабы в ангаре, стрельба, обруч на шее Асты, проект «Осирис», оплоты, скорые гости, шестилапый медведь, борьба с птицей. В висках застреляло от осознания, что всё происходящее – не сон. Что бы там ни было, но я каким-то образом попал в будущее Земли со странной природой, плывущими по небу астероидами и конструкцией на всём экваторе Луны.

В этот раз обошлось без «слонячки», похоже, я ещё вчера привык к происходящему. Боль в висках вместе с потрясением ушли быстро, уступив место жару во всём теле. Мысли опять запутались, я едва сообразил, что надо пойти помыться. Но только встал с кровати, как едва не согнулся пополам из-за боли в паху: твердейший стояк распирал трусы. Я пытался думать о плывущих на небе облаках, но каждый раз они превращались в объёмные женские бёдра. Такое ощущение, что я стал пубертатным озабоченным подростком. А самое страшное, что умываясь в ванной – я засмотрелся на дырку слива в раковине.

Я долго умывался, едва справляясь с накатывающим жаром. В паху горело, я подумывал решить ситуацию собственными руками, но подумал, что раз я недавно проснулся, то

надо просто пройтись, и всё пройдёт. Действительно, в комнате с рабочей панелью мою голову заполнили мысли об оружии и скорых гостях, да вот только оружие из моих штанов, и гости вовсе не одетые.

Не знаю, почему, но я решил отвлечься на разговор с Астой. Плевать, что сейчас ночь и она спит, мне просто надо срочно отвлечься. Проблема в том, что я даже как-то забыл, что Аста – девушка.

Двери в её комнату раскрылись с лёгким шипением. В нос ударил сладковатый и чуть кислый запах, уши заложило от томного стона и ёрзанья. На кровати, в тусклом освещении, лежала голая девушка с раздвинутыми ногами. Одной рукой она сжимала свою крохотную грудь, а другой неистово гладила себя между ног. От моего появления Аста ускорилась и прикусила губу, глядя мне в глаза.

Мне сбило дыхание, сознание переклинило. Какой-то дальней извилиной я что-то сообразил и помчался к складу, на ходу перебирая пальцами по экрану терминала. Чтобы вскоре вернуться, на ходу дрожащими пальцами разрывая пластик продолговатого тубуса, добираясь до квадратных упаковок из синего плотного пластика с латексным содержимым.

Я сел на кровать, нависая над Астой. Её карие глаза влажные от мелких капелек слёз, вымытые чёрные волосы спадают на кровать. На плавном лице горят мягкие щёки, пухлые губы искусаны, а чуть смуглая кожа лица полностью розовая.

– *Ты понимаешь, что это*? – дрожащим голосом спросил я, едва пересиливая наваждение. Аста перевела взгляд с упаковок на выпирающий бугорок в моих штанах, томно проглотила подступивший ком к горлу и притянула меня к себе.

Время к девяти, на полу у кровати с десяток использованных презервативов. Моё дыхание ровное, а мысли из головы упорхнули птицами. Рядом на кровати лежала Аста, не моргая смотря в потолок. Мы уже две минуты так лежим, не говорим, не думаем, только в пояснице и бёдрах побаливает.

– *Один вопрос. Всё произошедшее как-то связано с мясом той птицы?* – жестами спросил я у Асты. Та разочарованно закатила глаза и короткими жестами объяснила, что именно из-за него. И что-то ещё добавила, но я ни черта не понял.

– *А раз знала, что всё так будет, то чего не предупредила?* – на мой вопрос Аста покачала головой и показала на нас двоих, по-дружески пожав себе руки. А дальше она показала на место рядом с собой и на меня, мол, я должен лежать рядом, закинуть на неё свою ногу и поглаживать ладонью ей живот. Она даже попыталась притянуть меня к себе.

– *Совсем больная?* – я встал с кровати. Девка чего-то промурлыкала на своей тарабарщине, призывно поглаживая место рядом с собой. Но у неё пятнадцать минут, чтобы прибраться в комнате и помыться. Я закрыл дверь через терминал и перешёл в комнату напротив.

Контрастный душ привёл мой разум в порядок, вернул мысли. Думать о сексе с Астой не хотелось, это свершивший-

ся факт. Я жене никогда не изменял и, вроде бы, случившееся сейчас изменой назвать нельзя, по многим причинам. А раз так, то и размышлять об этом нет смысла. Лучше подобрать новую одежду вместо порванной камуфляжной куртки.

Я дождался Асту и повёл её к складу. Девка хоть и смотрела на меня игриво и пронзительно, но у широких складских дверей привычно встала у стены. И широко распахнула карие глазки, когда я поманил её с собой. Аста – мой единственный источник информации о новом мире, а на ней сейчас мешковатые обноски, в которых всяко сложно бегать по коридорам, особенно если гости прорвутся в оплот.

На складе достаточно всякой одежды в пластиковых мешках, заполненных «Натрастином» – тем самым газом с едва уловимым апельсиновым ароматом, позволяющим хранить вещи веками. Несколько рядов стеллажей до самого потолка заполнены ящиками с одеждой, обувью, бельём, всякими резинками для волос и прочим.

Я показал Асте выбрать одежду, да и сам обновил гардероб. Ботинки оставил, они настолько удобные, что снимать не хотелось, но за пределами базы у растительности сочные вырвиглазные цвета. Для такого подойдёт зелёный цвет с мелким маскировочным узором. Такой костюм нашёлся, из плотной непромокаемой и негорящей ткани, и выдерживает удар шилом.

Аста резинкой стянула волосы в небольшой хвост на за-

тылке, оставив две густых чёрные пряди, картинно обрамлявшие чуть вытянутое лицо со скруглёнными формами и пухлыми губами. Аста подобрала себе коричневые штаны с карманами на боках, кроссовки и белую обтягивающую футболку с плотной курткой поверх. Которую застёгивать не собиралась. Сквозь футболку просвечивали розовые соски, Аста несколько раз с хитрым прищуром погладила руками грудь.

– Шалюна-су? – игриво спросила та бойким голосом, приподняв руки и задирая куртку, специально полностью раскрывая белую футболку.

Я прокашлялся и, стараясь не замечать набухания в причинном месте, показал на коробку с женским нижним бельём, в котором уже копалась Аста. Девка усмехнулась и чмокнула губами. Но мне было не до шуток. Я безэмоционально ещё раз показал на коробку. В этот раз Аста выкобениваться не стала и быстро отыскала спортивный лифчик – и будто специально, стоя передо мной, медленно сняла куртку с футболкой и очень медленно надела лифчик, с немой игривой насмешкой смотря строго мне в глаза.

– *А потом будешь жаловаться, что тебя изнасиловали*, – я не объяснил слова жестами. Но Аста, кажется, поняла меня. Она приблизилась, вертикально провела пальцем себя по паху, кокетливо причмокнула подушечку пальца и постучала по моей груди. И, подмигнув, вышла в коридор.

Завтрак мне понравился больше вчерашнего ужина: ма-

ло того, что мяса той птицы не было, так ещё отыскался на складе чай. Правда, смысл слова «сублимированный» я перепутал со словом «сушёный». Но и такой кисловатый чай отлично зашёл вместе с кашей с ягодами и хлебными бисквитами.

– Ёжик, дунь, – Аста показала, как водит машину, и вопросительно развела руками, чуть не пролив на себя чай из кружки. Она явно спрашивала про гостей и дальнейшие планы – но я думал о другом. Я не понимаю происходящее, но если я действительно оказался в будущем, то нельзя знакомить местных жителей с русским языком. Да и с другими языками тоже. Просто для безопасности.

Сперва я выяснил у Асты, что день на её языке будет «заят». Аста ещё жестами добавила, что есть и другое слово, но мне пока и этого хватит. Потом узнал о слове «нет», окружающих предметах и простеньких глаголах. И о двух важных словах.

Уже через пять минут я настукивал по сенсорной клавиатуре рабочей панели. В проекте «Осирис» предполагали, что язык возможно уцелевшего человечества изменится, и его надо будет изучать – и для этого подготовили словарь с собственным искусственным интеллектом для обработки слов. Он мог и оригинальное письмо разобрать, но сейчас я вводил слова Асты транскрипцией из русских букв. Получилось двадцать три слова, мало, но вечером продолжу.

– Ёжик! – Аста удивлённо смотрела на меня. – Заят? –

Аста изобразила, как рулит машиной. В худшем случае гости приедут уже сегодня к вечеру.

– Иналиш. Нубда, – я показал два пальца. Первое слово означало «разговор, речь». У второго слова несколько значений, но Аста меня поняла. С гостями я сперва попробую поговорить, потому что мне не привыкать «вайну ваивать». Аста вздохнула и попросилась подойти поближе, ненадолго, просто кое-что сказать. Её карие глаза не моргали, она чуть поджимала пухлые губки, а пряди прямых волос по бокам лица покачивались при каждом шаге.

– Тусу, ганаста, – Аста аккуратно взяла мою руку и сомкнула её в своих ладонях. – Ганаста, Ёжик.

– *Может быть и* ганаста, – я высвободил руки, показал на кобуру пистолета на своём боку и ткнул себя в грудь, – *но* нубда *я один*.

Аста пререкаться не стала, только чуть обиженно надулась и плюхнулась обратно на стул. Но с интересом смотрела, как я перебирал вкладками в рабочем терминале. Вчера я был несколько задумчив и кое-что не понял из инструкций и объяснений.

Упоминаемые в проекте «Осирис» линготы – это случайно отобранные после смерти люди. ДНК выбрали через эксгумацию, а воспоминания полностью восстановлены через какой-то ЛПИС, или «лизокурный проброс инокловых структур». Это какое-то внутреннее и очень низкое взаимодействие в физике, открытое в 2161 году в каком-то коллай-

дере псевдомасс.

Чем бы это всё ни было, но именно из-за этого ЛПИСа фактически из воздуха выхватывали воспоминания давно умерших людей. Конечно, с оговорками и не совсем из воздуха, но сколько бы раз я ни прочитал объяснения процедуры захвата и удержания ЛПИС, но так ничего и не понял. Зато понял, что с живыми людьми такое не прокатит, только с мёртвыми, притом давшими дуба десятки лет назад. Как раз, чтобы воспоминания человека растворились в воздухе, если уж совсем простым языком говорить.

Так или иначе, но линготов в пробирке выращивают до двадцатилетнего возраста, притом мышцы, связки, кости и вообще всё тело кратно усилено. И мне хоть интересно, как мне такому усиленному жируха смогла плечо вывихнуть, но я-то на него не жаловался уже через час, как вправил.

В выращенное тело лингота помещают воспоминания и погружают в капсулы с натрастиновой жидкостью. По факту, это тот же газ из упаковок, только жидкий. Он консервирует тела, и анабиоз настолько продвинутый, что сердце вообще не бьётся и организм не работает, а все сосуды заполнены консервантом через подключённые катетеры. За месяц до пробуждения консервант в капсуле начинает заменяться питательной слизью, а сосуды наполняются кровью. Примерно тогда же запускается сердце, а по готовности иголки убираются в капсуле туда же, где скрылись трубки из носа и рта. Перед пробуждением слизь из капсулы откачивается, труб-

ки автоматически убираются, а электрошок будит лингота. План сработал как надо, если забыть, что в оплоте все линготы погибли, а трубки никуда не убрались.

Продолжая ковыряться в инструкциях, я постепенно убеждался, что проект разрабатывали вполне сообразительные люди. Ко дню катастрофы цивилизация развилась до парящих над землёй машин на инф-магнитах, но на складах всё хоть и высокотехнологичное, но я всем этим спокойно воспользовался, а некоторые вещи так вообще из двадцать первого века. Это сделано специально, чтобы максимально снизить порог к использованию вещей для всех пробуждённых линготов: всё же их отбирали из людей, умерших уже после начала двадцать первого века.

И всё это ради одной цели – любыми способами возродить человечество, если планета окажется пригодной для жизни. Притом последние десятилетия цивилизации прошли «под прессом вороха неразрешённых проблем». Это единственная фраза об истории человечества, которую я смог найти в базе знаний оплота. И она мне не понравилась.

– *Ситуация*, – задумчиво сказал я, но цокнул, откинув прочь лишние мысли. И открыл вкладку с ближайшей оружейной комнатой. – *Хрен знает, что вы, исчезнувшее человечество, там набедокурили в прошлом – но теперь бардак после вас разгребать простому русскому мужику. Никогда такого не было, и вот опять.*

Глава 5. Часть 1

Шёл третий день с моего пробуждения в капсуле, или второй день рабочей суеты и ожидания. Бессмысленного, ненавистного ожидания неизбежного. Потому что у меня всё готово.

– Льярат, – произнёс я, показав на топорный рисунок домика. Стоявшая недалеко Аста подбадривающе закивала. На главном экране рабочей панели высвечен словарь для автоматического перевода, новых слов скопилось три сотни, из них пятьдесят я выучил и использую уже сейчас.

Аста мельком глянула на экран и чуть подошла ко мне, теперь нас разделяли два шага.

– Хуту, – я посмотрел в карие глаза Асты. Она послушно отошла на шаг, даже экранчик обруча на шее не моргнул. Девка мягко и чуть игриво улыбнулась, на что я лишь раздосадованно покачал головой.

После инцидента с мясом птицы Аста наплевала на субординацию: постоянно норовит подойти поближе и прикоснуться, улыбается мне и будто всячески подбадривает. А сегодня за завтраком внаглую придвинула стул практически вплотную, хотя ещё вчера мы сидели друг напротив друга. Так ещё вчера перед отбоем Аста опёрлась на косяк двери в её комнату, провела пальцем снизу вверх по своей промежности и с намёком кивнула в сторону кровати. На моё удру-

чённое выражение лица Аста едва слышно усмехнулась и, кокетливо чмокнув губами, ушла в комнату.

Аста по-любому нимфоманка, или просто открытая девушка. Слишком открытая. Она ведь неспроста выбрала себе чёрный спортивный лифчик. Он просвечивает под белой обтягивающей футболкой настолько, что я постоянно цепляюсь за него взглядом, Аста это замечает и явно наслаждается происходящим.

Но Аста не только дразнит меня, но и помогает. И не только новыми словами. Вчера я практически весь день создавал защитный периметр из платформ, а девка возилась с птицей. Заодно остановила меня от сжигания засаленной одежды убитых баб, погладив большим пальцем подушечку безымянного, как и до этого показывала на синие перья. Сутки спустя после убийства птицы они потеряли остроту, стали обычными. Аста выщипывала их, укладывала в сетку и окунала в металлический чан с кипятком, стоявший на портативной плите. Несколько минут Аста варила перья, пока из синих они не превращались в розовые и настолько хрупкие, что крошились от нажима. А уже потом, закончив ощипывать и варить перья, девка раскладывала их в четыре стопки, в зависимости от степени повреждения, а для целых перьев выпросила несколько пустых пластиковых контейнеров. Когда птица была окончательно выщипана – Аста показала на заполненный вполовину контейнер с целыми перьями и жадно ухмыльнулась, потирая безымянный палец большим.

На вчерашнем ужине я смог жестами донести до Асты мысль, что ей надо выкладывать всё, что она знает о тех четырёх бабах и скорых друзьях. Аста поставила в центр стола кастрюльку с макаронами и сушёным мясом из складских запасов. К ней придвинулась кружка и ложка, притом последней Аста изобразила машины, а затем обвела стены комнаты и показала на свою тарелку. От кастрюли отъехала кружка с ложкой. Кружка встала посередине пути, а ложка приехала к моей тарелке. Затем вернулась к кружке и несколько раз курсировала между ней и кастрюлькой.

– Льярат? – я показал на кружку и кастрюльку.

– Ями, – Аста кивнула. Второе из возможных согласий. Если «Ямн» – это форма личного согласия, то «Ями» просто показатель, что кто-то прав. Странный язык, но привыкать к нему придётся.

– Льярат, шальсак, – я загибал и разгибал пальцы. Аста поняла меня и в ответ сказала цифры два, сотня и тысяча. На нарисованную в воздухе цифру в двести тысяч девка кивнула. В кружке, в промежуточной базе, должно проживать около трёх тысяч, и таких кружек вокруг кастрюльки десятки. Но, как объяснила Аста, через пять месяцев все возвращаются домой.

– *Почему* пять? – я с намёком показал пять пальцев. Аста показала, как с неба что-то падает, обхватила себя руками и поёжилась. До холодов, вроде как, осталось два месяца.

Я захотел разузнать у Асты по поводу других обжитых

мест, но девка попросила сходить с ней в ангар. К лежащей в куче одежды оранжевой безразмерной жилетке. Она с внутренней стороны усеяна молниями, нашлись даже круговые в плечах, сужающие рукава. Аста за несколько минут сложила её в подходящий ей размер.

– Мы, друзья, – Аста показала на себя и меня. А следом она махнула за створки ангара. – Сина, базата, – на последнем слове Аста резко разорвала дружеский жест и скрестила пальцы.

– *Может быть, мы и* друзья, – я забрал у неё жилетку, помня, что она усиливает какие-то способности. – *Но* стрелять *я буду один*.

– Гуян су дормат нэ? – Аста удручённо положила ладонь себе на аккуратную грудь.

– *Не забывай, кто хотел сомкнуть эту херню на моей шее*.

Я с вполне понятным намёком щёлкнул ногтём по обручу на шее Асты и постучал пальцем по своей. Аста погрустнела. И жестом попросила меня выслушать её. Она что-то рассказывала на своей тарабарщине, но я смог понять только несколько слов. Да и жестов Аста никак не могла подобрать нужных, так что отмахнулась и начала водить пальцем по полу ангара.

Аста нарисовала несколько домов, расположенных где-то за пределом оплота, и очертила их кругом. В этом кругу оказалась какая-то пирамида, в середине левой стороны распо-

ложилась убитая жируха и другие бабы, а Аста у основания пирамиды. Мужик с отрезанным членом, чья фотография висела в тягаче, расположился с правой стороны где-то между жирухой и Астой, а меня девка поставила со стороны мужика практически на самом верху.

На мой многозначительный прищур Аста потупила взгляд, её уши покраснели. Она прикусила губу и чуть жеманно обвела пальцами моё лицо, потрогала себя по щекам, похлопала по груди, ногам и животу, с уважением покосилась на мой пах, ещё раз обвела моё лицо пальцами. И сделала вид, что любуется отражением в зеркале.

– *Серьёзно? Из-за внешности?* – я жестами переспросил, на что Аста кивнула. Я с намёком показал на самый верх пирамиды. Аста со словом «сто» показала на угловатую танковую башню на прицепе тягача. В оранжевый жилет она ткнула со словом «тысяча» или «тысячи». Получается, у главы пирамиды сотни таких «танков» и тысячи жилеточных?

– *Ситуация,* – я перевёл взгляд с пола, где недавно тонкий пальчик Асты выводил рисунки, на неё саму. – *То есть ты хотела надеть на меня обруч не просто так?*

Я объяснил свой вопрос жестами. В ответ девка состроила сконфуженную моську, но всё же показала, как надела на меня обруч и отвела на самый верх. Чтобы получить оранжевую жилетку и переместиться по пирамиде в её середину. И сразу же начала махать руками, пытаясь объяснить, что это было вот тогда, когда её избивали и я прикончил тех баб.

– Мы, друзья, – Аста с надеждой посмотрела на меня.

– *У тебя, конечно, своя правда. Но я бы не спешил с выводами*, – я не сдержал смешок, на что Аста понимающе закивала и опустила взгляд, едва заметно грустно вздохнув.

Я, конечно, не совсем понимал, почему мы со скопцом с фотографии оказались на одной стороне пирамиды, а Аста с жирухой на другой, но общее положение дел понял. Как и понял желание Асты изменить свою жизнь, даже таким «стрёмным» способом.

Не знаю, есть ли подобные этому обручу вещи, но из его заднего утолщения, по объяснениям Асты, должны выходить иглы и впиваться в позвоночник. Именно поэтому вчера я долго копался в терминале «Хранителя», совмещая запросы «опасная природа», «атака задней части шеи», «полная летальность» и «способы защиты». Про одежду, скафандры и прочее читать было неинтересно – если придётся выйти из оплота и встретиться с гостями, то с космонавтом никто говорить не будет. Но есть вариантик для защиты шеи.

В оплоте есть роботизированные медицинские блоки, способные самостоятельно хоть сердце пересадить. Около панельки отдела выращивания органов и частей тела стоит восклицательный знак, что всё необходимое в разобранном виде лежит на нижнем складе пятого этажа. Зато хоть сейчас можно пойти в специальный медицинский склад и поставить себе протез руки или глаза, внедрить поверх позвоночника основу «малаятского» экзоскелета или даже полно-

стью заменить позвоночник. В первом случае реабилитация займёт день, и ещё несколько дней минимальной нагрузки, а во втором придётся поваляться с тройку дней и ещё две недели восстанавливаться. Но и в первом случае позвоночник от затылка до копчика закроется небольшими пластинами из акларита, металла, изобретённого в двадцать втором веке. Он в десятки раз прочнее титана, но куб с метровыми гранями весит всего один кило.

Так-то, не очень здравая идея – ложиться под скальпель бездушной машины. Но отметать такой вариант нельзя. Нет, конечно, можно носить на шее подобие защитного горжета и смешить окружающих. Ну лучше убедиться во всём. Что я и сделал, сегодня, на третий день, после завтрака отправившись на третий этаж в хирургическую комнату и медицинский склад. И вернулся с довольным выражением на лице.

– Они, идти, сегодня, нет, – сказала Аста, когда я закончил вводить в словарь правильную транскрипцию слова «лья-рат». Я в ответ пожал плечами, как бы говоря, что ничего от этого не изменится.

– Мы, делать, сегодня, – Аста показала на нас и обвела комнату с рабочей панелью.

– *Уборка*, – я показал на кровавые пятна на бетонном полу и как щёткой их выдраиваю. И старую мебель заменить и от засаленных матрацев избавиться. Тем более что у меня на них есть планы.

Аста без энтузиазма тёрла бетонный пол щёткой, недо-

вольно фыркала и на своей тарабарщине объясняла мне что-то явно матерное – но я её не слушал, потому что тёр другое пятно. Хоть трупы пролежали всего несколько часов, но даже за это время кровь успела просочиться вовнутрь бетона, и полностью вывести красные пятна не получалось.

Засаленные матрацы с желтоватыми подушками и прочим тряпьём мы отнесли к лифту вместе с продолговатым пластиковым столом и неудобными стульями. Ну и подмели пол в комнате с рабочей панелью, для совсем уж чистоты. Странно, конечно: меня скоро приедут убивать, а я в Золушку играюсь. Но один я много не навоюю.

В ангаре Аста покосилась на меня с тревогой, узнав, что тащить всё это старьё надо прям к створке. И недовольно надула щёки, потому что и в ангаре надо стереть два размазанных кровавых следа от коренастой и долговязой, убрать след от вытекшего масла и огромное пятно от птицы в дальнем углу. Но хоть машины не помешают уборке, уже хорошо.

Те гусеничные платформы, которыми я вывез трупы в лес, можно оборудовать чем угодно, включая небольшие подъёмники. Четыре таких платформы резво заехали под днище седана, приподняли его и оттащили в сторону. Седан с вырванным пулемётом я поставил в десятке метров от створки ангара, за ним встал второй уцелевший. Получилась эдакая баррикада. А тягач я лично перегнал в дальний угол, привыкая к управлению. Махина с длинным прицепом послушной собакой отзывалась на движения руля, половина задних ко-

лёс поворачивалась вместе с тягачом, из-за чего вся машина заворачивала очень быстро.

– *Такую бы игрушку нам, туда, «вайну ваивать»*, – я присел на пол, закончив оттирать последнее пятно. На высоком чёрном прицепе танковая башня дулом ожидающе смотрела на створку ангара.

Ко мне подошла Аста и с усталым вздохом присела рядом. И показала свои грязные от машинного масла руки.

– Даста гаорят до? Наса…

– *Ой, прекрати, а,* – я отмахнулся. Я уже знал, о чём спрашивает Аста, потому что об этом она спрашивала ещё во время уборки в комнате. – *Думаешь, я не знаю, что хернёй маюсь? Думаешь, мне самому не интересно чего-то полазить в оплоте, комнаты там поотрывать?*

Все слова я уже привычно сопровождал жестами, но Аста в этот раз лишь растерянно хлопала глазами и задумчиво облизывала пухлые губки.

– *Вот только один хер открытые комнаты ничего не изменят. Смысл? Снаружи ждут дроны и платформы, да и с оружием для себя я разобрался. И защиту внутри организовал*, – я показал на четыре платформы с присобаченными автоматами, стоящие по бокам от створки ангара. – Нала, ашт, сина, – я похлопал себя по груди и показал за створки ангара. Эти слова означают «Я, убил, их». Аста понимающе закивала. – *Разница, сколько и чего я поотрываю, если меня захотят убить? Чё, думаешь, в одно рыло можно с танком*

тягаться? Ну, так-то, можно, но только если танк тебя не видит. А вот если там таких танков несколько, и они о тебе знают, то ты обосраться не успеешь. Тебя первым же чемоданом по посадке разбросает.

Да какая вообще разница, чем убивать время до прибытия гостей? Другие ангары не расчистить, там туннели землёй засыпаны, да и лес никуда не делся. Сперва надо совместить полётное задание коптеров с масштабом оплота на карте и точно определить выходы из туннелей, чтобы решить, какой именно откопать. Судя по инструкциям, «игрушки» в остальных ангарах действительно первоклассные. Но сейчас-то суета бесполезна. Надо ждать. А слоняющийся без дела солдат – потенциальный создатель неприятностей.

– *Короче, надо разговаривать*, – я показал Асте, как говорю с прибывшими гостями. – *Без разговора я много не наворою. Скажу, что это всё мой дом, а там…*

Меня перебил писк с терминала «Хранителя». Он мог сработать, только если замечены «объекты больше двух», «блики солнца на объектах» и «едут линией или рядом».

Сложенный в прямоугольник, терминал за секунду развернулся в планшет. На экране изображение с одного из коптеров, сидящих в секрете повыше въезда в туннель, на притоптанной траве. За рекой из далёкого леса выехали четыре машины, три седана с пулемётами и фургон с миномётом. Всё оружие повёрнуто назад, а миномёт гаркает вспышками огня.

– *Чё за нахер происходит?* – я посмотрел на Асту, но та лишь недоумённо пожала плечами.

– Ёжик, го стуна, – девка резко ткнула в планшет. Отставая на полтора километра от первой группы машин, из леса выехала вторая группа из пяти седанов и фургона. Они маневрировали и уклонялись от выстрелов миномёта, но сами не стреляли.

– *Ты же говорила, что семь*, – я показал три и четыре пальца, намекая, что в ангаре три машины, и девка говорила, что приедет ещё четыре.

– Семь, семь, я… Стой, – Аста ошалело начала тыкать в экран и показывать пальцами, как я увеличиваю картинку.

Я приблизил изображение, насколько позволяла оптика коптера, ко второй группе машин. На боковой стенке фургона по диагонали один под другим нарисованы клык, коготь и кинжал.

– Наясарата, – прошипела Аста.

– *Ты их знаешь?*

Аста в ответ показала на едва заметное красное пятно на полу, помацала свою грудь и переместила ладони чуть ниже, а потом ещё чуть ниже.

– *Та с шестью сиськами?*

– Да, – Аста показала на первую и вторую группу машин и произнесла «базата», что означает «враг». Я прощёлкал по экрану, давая задание компьютеру. Высветился ответ, что с такой скоростью первая группа машин приедет к оплоту не

позднее пятнадцати минут.

– *Ситуация,* – я напряжённо сжал кромки терминала. Время решить одну проблему.

Я вытащил пистолет из кобуры. Аста испуганно отстранилась, упала на задницу и замотала головой, с трудом проглотив сбивший дыхание ком. А я только и мог, что крепко сжимать рукоять да буравить взглядом лицо девки, думая о своих скорых и очень дебильных шагах.

– Нет, подруга, тебе я пистолет не доверю, – я убрал пистолет в кобуру. И подал Асте руку. Та настороженно приняла помощь и встала, но покачнулась на ослабших от волнения ногах и едва не упала вновь. Я вовремя успел прихватить её за талию.

– Зьяста, – едва слышно прошептала та, что означало «спасибо».

– *Не за что.*

Я схватил Асту за руку и потащил к лежащим около створки ангара шмоткам. Где бросил ей оранжевый жилет и, не дожидаясь реакции, побежал на второй этаж. Аста некоторое время недоумённо косилась на жилет, прежде чем помчаться за мной. К складу. Я ошпаренной полевой крысой мелькал в проходах, прежде чем нашёл коробочку с надписью «Гвозди 200. 100 штук». Её содержимое многозначительно звякнуло. Я положил один гвоздь на ладонь и показал, как он сперва парит над ладонью, а потом со свистом улетает. Аста широко раскрыла карие глаза, прижала к себе безрукавку и при-

чмокнула пухлыми губками, собираясь что-то мне сказать.

– *А теперь слушай внимательно, доска для забора*, – я потыкал пальцем в аккуратную, но крохотную грудь Асты. – Я, верх, ты. Ты, вниз, я, – я постучал себя по груди, провёл рукой над своей головой, затем показал на Асту и указал на пол. – Я, говорить – стой, ты – стой. Я, говорить – иди, ты – иди.

Аста слушала меня внимательно с проступившими капельками жидкости в уголках глаз. Она громко шмыгнула носом и в подтверждение услышанного показала на меня, на потолок, потом на себя и на пол.

– Друзья, – бойким, но смущённым голосом произнесла Аста, радостно улыбаясь.

– *Вот и отлично. А теперь в ангар. Быстро*, – командирским голосом сказал я, показав в сторону ангара и как вожу машину. Аста глубоко кивнула и помчалась к лестнице. Но вернулась. Я в этот момент задумчиво косился внутрь склада, пытаясь понять, точно ли мне в нём ничего не пригодится.

– Ёжик, – позвала меня Аста. Я повернул голову. Девка чуть подпрыгнула, притянула меня за плечи и припала к губам. Но вскоре отошла, тяжело и взволнованно дыша с красным лицом. И умчалась к лестнице.

– *Одно из трёх*, – я утёр ладонью губы, смотря в сторону коридора, где только что мелькнул короткий хвост чёрных волос. – *Аста или нимфоманка, или любвеобильная, или*

шлюха. Неважно, всё равно многое это не изменит.

Я побежал в одну из комнат первого этажа, открытых ещё до моего пробуждения. Пустая раньше, сейчас она заставлена столами и стеллажами со всем необходимым для работы. Там медицина, наборы брони, коробки с коптерами. И всякое оружие, включая энергетическое: лазерные, дуговые и плазменные винтовки, притом последние больше похожи на ручные гранатомёты. Вытянутая лазерная винтовка с очень узким дулом, заполненным прочными стёклами, стреляет пучком света, похожего на лазер-дальномер. Поражающая точка крохотная, чуть больше миллиметра, и стрелять в корпус человеку бесполезно. А в голову ещё возьми попади. У дуговой и плазменной винтовки свои особенности и недостатки, их я тоже решил не использовать. Так ещё и боепитание идёт с батареек.

Из ангара послышался громыхающий металлический стук, как раз когда я подходил к нему. Аста нашла в прицепе тягача кусок железа и, сидя на полу, молотком отбивала шляпки гвоздей, плюща их в эдакое оперение. Гвоздь длиной в ладонь и так грозное оружие, если его в глаз воткнуть, а тут им пуляться собираются. Я жестами попросил Асту продемонстрировать. Та кивнула, надела оранжевую жилетку. И закрыла глаза. Девка мерно задышала, аккуратная грудь легонько колыхалась, чёрный лифчик просвечивал под белой обтягивающей футболкой, и там же проступали два небольших бугорка-кнопки.

Аста приподняла руку, вокруг гвоздя на ладони замерцало синеватое облачко, гвоздь приподнялся, развернулся остриём в сторону груды матрацев. А через мгновение с лёгким поскрипыванием вбуравился в плотную ткань в практически полусотне метров от нас.

– *Очень даже хорошо*, – я показал Асте продолжать готовить гвозди и потянулся к терминалу, но та меня остановила. Она встала и дрожащими от волнения руками попыталась что-то мне показать. Потом сглотнула и чуть успокоилась, взгляд её карих глаз прекратил мельтешить по моему телу. Она причмокнула губами и тут же их облизнула.

Аста показала на едущих к нам гостей, затем как они уехали и на нас двоих, что наши сердца всё ещё бьются, и ткнула пальцем в сторону жилых комнат на втором этаже. Дальше Аста показала на меня, ладонью потёрла себе пах и провела там вертикальную линию. Аста облизнула внешнюю сторону указательного пальца и начала его усиленно поглаживать большим, а затем показала на мой пах и усиленно прихлопнула по своему.

– *Я буду считать это угрозой*, – я показал Асте продолжать работать над гвоздями. А отходя – чувствовал жадный взгляд на заднице.

Гвоздь, пролетев через весь ангар, пробил два матраца и оставил в бетонном полу крохотную выбоину. Такой гвоздь и голову прошьёт. Пожалуй, но людей с оранжевыми жилетками минусовать буду первыми. Я ещё не уверен в Асте, но

сейчас ей нет смысла убивать меня. Тем более и пластиковый обруч на её шее плотно прижат к коже, хотя в первый день между обручем и шеей зазор был в палец.

Я невольно погладил заднюю часть шеи, вздрогнув. Если сегодня всё пройдёт гладко, то придётся решить вопрос с защитой. Мне не хочется стать чьей-то послушной собачонкой.

Терминал «Хранителя» пиликнул, показывая три минуты до приезда гостей. Рука потянулась к ремню автомата. Прицел, складывающийся приклад, рукоять на цевье и всё прочее необходимое для успешного штурма, только ствол обычной длины, не получилось найти укороченный. Но меня беспокоила конструкция автомата.

Он безгильзовый и полуимпульсный. Как в дешёвых фантастических фильмах, где пулю ускоряют установленные магниты вокруг ствола. В этом автомате то же самое, но ствол из настолько твёрдого и прочного пластика, что, когда я перегонял тягач – специально разобрал автомат, положил ствол на две платформы мостиком и колесом тягача проехался, а он даже не поцарапался. Внутрянка автомата чем-то «калашоид» напоминает, только вместо пружины в корпусе вставляется укороченная батарейка для питания магнитов, а пороховые газы сразу уходят вперёд. Да и пуля чуть вытянутая и с внутренними насечками-стабилизаторами как у снаряда, а сгорающая при выстреле гильза в три раза меньше обычной и из прочной бумаги, клея и какого-то «линат-по-

роха», а капсюль из «тритрацата» – чем бы всё это ни было, но нагара внутри ствола оно не оставляет. А пуля без потери баллистики летит добрые четыре сотни метров.

Этот автомат слишком высокотехнологичный, а простого и всем понятного калашоида или хоть чего-то из моего времени я не нашёл. А мне не хочется заявлять возможному врагу о своих боевых возможностях – даже с учётом ожидающих в секрете платформ.

Терминал пронзительно запищал. Из ближайшего леса по колее в густой траве выехали четыре машины. Они стремительно приближались к въезду в туннель.

– Ёжик? – Аста засунула гвозди в боковые карманы штанов и закивала, показывая, что готова. Я показал ей встать с краю створки ангара, чтобы её не увидели. И нацепил на голову светло-зелёную панамку со спрятанными под тканью маленькими и гибкими дисками.

– *Лето и арбалеты*, – я не сдержал усмешки. Я-то служил в доблестной пехтуре, но панамка ассоциации вызывает именно с «серыми гусями».

Я два раза хлопнул по вертикальным утолщениям на лямках разгрузки. В них спрятаны батарейки и небольшой мозг ИИ. Круглые экранчики-пуговицы на верхнем торце утолщений засветились тёмно-синим. Сначала показалось изображение куртки, закольцевавшейся в зелёный кружок, потом штаны. А вот изображение шлема несколько секунд было окрашено красным, потом медленно перешло в жёлтый, и

только потом замкнулся зелёный круг. Уши на секунду тронул писк со стороны панамки, на экранчиках моргнула зелёная галочка.

Рядом со створками ангара недовольно взвизгнули шины, громко забибикали четыре клаксона. Я глубоко вздохнул. Что бы там ни случилось в ближайшее время, но иного пути нет. А раз так, то я пру «до талого».

Шесть глоток за створками разразились ором в попытке докричаться до якобы сидевших в оплоте баб. Но единственная рация у той четвёрки в тягаче, и она предусмотрительно выключена. А второй способ связи вообще не сработает: Аста вчера показала, как говорит, что-то отправила из своей головы в мою, и спародировала жируху. Что бы она не имела в виду, но жируху в лесу зверьё уже доело.

Громыхнули стоявшие около створок три ящика, из которых я вытащил всю начинку, и негодующий ор глоток перерос в истошный вопль загнанного в угол зверя. Стоявшая по левую сторону от створки Аста с блаженным прищуром слушала вопли. Да и я ухмыльнулся: план идёт как задумано.

Пиликнул терминал, из леса выехала вторая группа машин. Спрятанные в высокой траве платформы с двух сторон покатились к туннелю, перегораживая въезд в него. Я быстро изменил программу, и каждая вторая из десяти платформ развернула оружие к подъезжавшим машинам. Это всё однозарядные гранатомёты, но и их хватило, чтобы бабы за створкой ангара замолкли, а прибывшие остановились. Я отпра-

вил к преследователям один из коптеров, к которому привязана табличка с двумя картинками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.